

Павел
Шушканов

МАРЕНА В ЗЕНИТЕ

Фантастический
детективный
роман

18+

Павел Шушканов

Марена в зените

«Автор»

2026

Шушканов П.

Марена в зените / П. Шушканов — «Автор», 2026

2000 год. Казанский Конгломерат — небольшая, хоть и обширная часть огромной индустриальной империи — Земного Консорциума. Поиски исчезнувшей на улицах города сестры проводят столкнувшегося с необъяснимыми вещами Игната, ставшего из слуги дознавателем Корпуса магистра, сквозь лабиринт улиц опасного города, подпольную паутину компьютерных сетей и интриги имперских ведомств куда дальше туманных пустошей колонии — Марены.

© Шушканов П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Ищейка	5
1.	6
2.	11
3.	25
4.	38
5.	47
6.	54
7.	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Павел Шушканов

Марена в зените

Часть 1. Ищейка

1.

Над рекой висела луна цвета начищенной меди. Она мерцала тусклым блином ниже грозовых облаков, и даже бродячие псы понимали, что луна ненастоящая. Я старался не замечать ее и глядел на реку. Отсюда с вершины холма она казалась полоской полужастывшего гудрона, растекшегося по пепельной долине. В смолянистой воде отражались электрические звезды и вечный смог, заменяющий небо. Ее название когда-то было выбито на табличке, проколоченной к стене барака, пока он не сгорел с третьей попытки дотла. На ее левом берегу чернели, тыкая высокими трубами в затянутое смогом небо заводы и нефтяные терминалы Казанского конгломерата. А напротив, дыша паром и подсвечивая неонами клубы едкого тумана кипел в вечном движении «муравейник».

У муравейника тоже было название и скорее всего оно сохранилось где-то на старых картах или ржавых указателях, погребенных нутром громоздящихся друг на друга трущоб, но никто никогда не называл его иначе чем Пригород. Пригород, давно поглотивший остатки самого города и сотни километров вокруг него.

— Эй! Какого черта ты тут делаешь?

Голос позади меня только казался угрожающим. На деле в нем притаились плохо скрываемый страх и усталость. Корявая тень заняла все пространство между валуном и остовом сожженной машины. Я повернул голову, даже не думая подниматься с теплого камня. Просто шнырь. Совсем молодой еще – пуговица впиалась в кадык, на выскобленном лице растерянность. Я молча отогнул край воротника куртки и показал темный ромбик значка.

— Ищейка магистра? Такой можно купить за сотню на Нижнем Базаре.

— И лишиться пальцев, — добавил я.

Шнырь потоптался рядом. Затем присел на край валуна. Луна на мгновение потеряла тусклый блеск и тут же вспыхнула потоком ослепительного света. Я едва успел прикрыть глаза ладонью. Вспышка длилась лишь миг, выхватив из ночи черно-белые контуры улиц. Тыльную сторону руки обдало жаром.

— Все? – шнырь отвернулся вовремя и теперь не решался открыть глаза.

— Нет. Посиди так. Я знаю интервалы – ты не знаешь.

Он согласно кивнул.

Город казался мертвым, притих от ужаса, ожидая что вместо электрического света на его замшелые крыши может пролиться поток настоящего огня.

— Это из-за тебя, верно? – потер ладонями слегка обожженное лицо.

— Да. И продолжится, пока я не закончу дело.

Шнырь уставился на меня как бы спрашивая, чего я тогда жду, если над городом висит эта непредсказуемая смертельная штука. Вступать в долгие беседы с ним совершенно не хотелось. Хотелось слегка придавить его шею, оправив в недолгий сон без светских бесед и ненужных вопросов, забрать его форму и раствориться в недрах Пригорода, не забыв засунуть в ближайший ливневый сток значок. Но нельзя. Око над городом не только поджаривать умеет. Наблюдает оно тоже очень неплохо. Я невесело усмехнулся своим мыслям, но шнырь не увидел этого. Сплюнув под ноги, он вытер подбородок рукавом и назвал меня счастливчиком.

Счастливчик. Пожалуй, он был прав. Я бы мог сказать, что родился под счастливой звездой. Но не потому, что я появился на свет в этом лабиринте, а по той причине, что смог выбраться отсюда раньше, чем мазут и дым ввелись в кожу, а безысходность в мозги, быстро усыхающие от нехватки чего-либо, кроме Пригорода вокруг. Под звездой, счастливой или несчастливой, тут родиться тяжело. Их просто не видно. Даже с холмов не разглядишь ничего, кроме низких туч и электрического зарева конгломерата, а из глубины узких улиц подавно.

Над тобой только паутина проводов, капающих труб и жидкий черно-оранжевый дымок. И окна громоздящихся друг на друга домов.

— Проведи меня в клуб, — сказал я негромко, но достаточно четко, чтобы шнырь понял сразу. И все же тот испуганно и неуверенно затряс головой. Его тень на шершавом бетоне была низкой и уродливой – точно маленький божок, кивающий крупной башкой с округлым подбородком. – Хватит, я знаю зачем ты пришел. Ты не в патруле, а если и так, то вряд ли пришел бы в этот район один. У тебя есть билет, верно?

Конечно же у него был билет. Не спуская с меня взгляда, он пригладил карман тыльной стороной ладони, словно убеждаясь, что он все еще там. Напрягся, готовый к нападению. Но ради такой ерунды беспокоиться совершенно не стоило. Купить билет не проблема, проблема найти место, где его можно предъявить.

Поиски Клуба – дело сложное и опасное. Даже если ты шнырь и у тебя билет. Мне вообще не следовало показываться даже рядом с ним, мой латунный ромбик на воротнике – верный пропуск на тот свет. Обычно вокруг клуба суетились спекулянты и охотники. Первые предлагали копию билета за огромные деньги, а потом толкали тебя в спину прямо в фальшивую нору-ловушку, откуда выхода не было. Вторые делали это совершенно бесплатно. Зачистить его и переловить организаторов было еще сложнее, чем попасть туда. Клуб каждую неделю менял расположение, хоть «церемонии» в нем и проходили не чаще чем раз в квартал. Шнырь отрицал, что знает место, пока я не пообещал ему главную вещь – защиту, если что-то пойдет не так. А тайные ритуалы в Клубе частенько шли не так как задумывалось, и шансы выбраться с закрытой церемонии всегда были чуть ниже, чем хотелось бы. Он об этом знал или догадывался, потому только кивнул с готовностью и поднялся, сообразив видимо, что отнимать билет я не собираюсь.

Я шел за шнырем, держась на небольшом удалении и не спуская глаз с его сутулой спины. За нами следовали две тени, прыгая на кочках: одна от медной луны, другая от далекого фонаря, в свете которого кружились хлопья сажи. Изредка угадывались силуэты охранников подпольного клуба, но они мелькали на приличном удалении от нас, а значит шнырь вел окольной дорогой. Не обманул. Вероятнее всего, кроме билета он купил и безопасный маршрут, что могло обойтись вдвое дороже, но того стоило.

У стены пустого старого барака он остановился. В заколоченных досками окнах насвистывал ветер. Не говоря ни слова, он протиснулся в узкий, не более полуметра проулок между стенами. Я последовал за ним, мокрая кирпичная кладка царапнула спину. Небо над головой стало темно-фиолетовой полоской. Шагов десять по узкому лазу и стена под рукой стала фальшивой, прогнулась куском темного брезента. А за ним лестница в тускло-освещенный подвал без окон. С охраной хлопот не возникло, хотя на поясе каждого покачивалась предусмотрительно расстегнутая кобура. Шнырь протянул руку с билетом и покосился на меня, но я сделал зеркальный жест. Хорошо, что его попросили предъявить билет первым. Мне нужен был только чертов цвет – то, что меняется постоянно. На этот раз грязно-желтый, как стекло уличного фонаря. Тут все просто. Фальшивка желтого цвета во внутреннем кармане справа, пурпурный – в нагрудном, синий и ярко-алый в карманах брюк. Еще один кислотно-зеленый прямо в рукаве и, если честно, я ставил на него.

Кусок желтого картона с печатью оказался убедительным. Маленькие прищуренные глазки скользнули по нашим лицам, а не по номерам билетов. Будь иначе, проблем не избежать. Широкие как лопата ладони постучали по карманам и спине на предмет оружия. Охранник выудил из моего нарочно пустого кармана кислотно-зеленый кубик – затравку, чтобы не копались в других усердно, с кривой ухмылкой бросил его поверх горстки мятых купюр и с легким отвращением толкнул меня вглубь подвала. Шепнул что-то про отброс, но я не обернулся. Я смотрел на лиловые шторы, отгородившие часть подвала и превратившие ее в комнату для церемоний. Все как я и представлял: стулья полукругом, большое зеркало, тонкий меч справа

и кочерга слева на красной, смердящей подгоревшим салом электрической спирали. Все места заняты, даже не придется ждать. Тут обычно собирались те, кто сам считал себя элитой. Разумеется, интеллектуальной элитой. Обычная разжиревшая давно съехала под электрические небеса анклавов или столицы.

Шнырь присел на свободный стул перед шатким столиком под недовольные взгляды соседей. Я остался стоять у края ширмы, спрятав руки глубоко в карманы пальто, но досталось и мне. Подчеркнутые сажей глаза на мертвенно бледном лице дамы с неестественно прямой спиной скользнули по моей засаленной одежде, тонкие губы презрительно сжались. Я с легкой усмешкой поклонился, желая доброго вечера великосветской соседке, в каждом движении и жесте которой чувствовалась принадлежность к поэтам «высокой черни». Поклонись она в ответ, искусственный цветок из ее волос угодил бы в самую середину наполненного бокала. Почуввав неладное, гость справа от меня засуетился, раздраженно отодвинул стул, сверкая лысиной и стеклами декоративных очков. Так, еще просьбы позвать охрану не хватало. Я слился с ширмой и придал лицу выражение раздраженного любопытства.

— *Ni estas super la infero, fratoj!*¹. Друзья, я рада вновь видеть вас на нашем собрании, — женщина неопределенных лет в обтягивающем кричаще-красном делала вид, что она организатор, отводя подозрения от скрытых среди публики истинных хозяев вечера. Ее сияющий блеском рот растянулся в дежурной улыбке, показав на кончиках зубов следы яркой помады. — Я вижу новые лица и с теплом и надеждой приветствую вас, надеюсь, что вас привело сюда не праздное любопытство, а вера в общее дело. Впрочем, не будем многословны. Сегодня у нас особый гость.

С жестом фокусника и улыбкой его ассистентки она сдернула шелковый платок, небрежно покрывавший круглый стеклянный столик. Кто-то искренне, а кто-то с деланой притворностью удивленно вздохнул. Я стиснул кулаки в карманах. Амальгама старого зеркала пошла рябью, отражая поблескивающий в центре столика перстень.

— У нас мало времени и потому нам нужен доброволец, — она обвела рукой переглядывающихся и перешептывающихся гостей, протирающих скомканными платками напряженные шеи и потные лбы.

— Жребий, — хрипло напомнил кто-то из зала.

Женщина лжеорганизатор брезгливо кивнула на потолок, намекая на клубящееся над ним небо и развела руками. — Магистр ищет нас и потому сегодня обойдемся добровольцем. Итак, — она натянута улыбалась. — Есть желающие стать свидетелем Infero сегодня. Может кто-то из новых лиц? Нет? Тогда, пожалуйста, я.

Показная жертвенность, словно кто-то еще верит в этот цирк. Дамочка отдала не меньше двух состояний за право разыграть из себя конференсье и шагнуть навстречу отражению. Может еще полгода назад я и сам бы пришел в ужас и восхищение от подобной жертвы, но тогда я и не помышлял о подобных местах.

Все строго по ритуалу. Зеркало чуть пододвинули, не рискуя трогать столик. Амальгама почернела и стала похожа на лежалое серебро. Серебристая накидка легла на плечи ставшей непривычно серьезной ведущей, платок укрыл ее локоны. Ее лицо стало бледным, глаза закрылись.

Немного допустимой артистичности, куда без этого. Такая есть и словах, и движениях Ленивого Равила на «железном ринге», что под кожевенной мастерской. Тот, брызжа слюной и потом призывает желать ставки на натертых маслом бойцов и рвет на себе майку, когда его любимчик получает хук. Будто исход каждого боя не прикуплен заранее. Клуб мог бы быть собранием молчаливых снобов, но за немалые отданные за билет деньги, многим хотелось

¹ Мы выше Ада, братья (эсп.).

немного шоу, которое, к тому же, слегка скрашивало тот жуткий исход, которым заканчивался вечер.

— Все мы помним, что следует молчать, что бы не произошло. И не делать лишних движений. *Mi atestas la inferon!*²

Она шагнула в зеркало быстрее, чем получила ответ. Крайний гость слева извлек из кармана механический таймер и показал присутствующим. Ровно минута. Я ждал, не сводя взгляда с перстня, хотя казалось, что поглотившее женщину зеркало куда любопытнее. Несмотря на малый размер, перстень казался тяжелой медной глыбой, которую каким-то чудом выдерживает тонкое стекло старого столика. Подобраться к нему ближе несложно, но завладеть им – задача посерьезнее. Почти наверняка при любом подозрительном движении в зале, руки приглядывающих за украденной вещичкой людей мгновенно скроют ее с моих глаз. И то, что несчастная женщина навсегда останется по ту сторону амальгамы, стало бы невысокой ценой. Что ж, будет небольшая, наполненная любопытством пауза между ее возвращением и тем моментом, когда перстень уберут. Я был готов.

Возвращение сопровождалось тишиной. Нестерпимо глубокой, словно все звуки выдернули из пустой комнаты и наполнили ее взамен ощущением тревоги. Так было и с этот раз. Заструился легкий сквозняк. Разрывая туманную поверхность зеркала, вышла, держа перед собой руки, женщина, чья кожа стала еще бледнее. Сделав пару шагов, она наконец хрипло вздохнула полной грудью и покачнулась. Казалось, что обрывки амальгамы повисли на ее плечах, но приглядевшись, можно было рассмотреть, что они слабо шевелятся. Полупрозрачные и скользкие, словно из живого стекла, они пытались свиться в кольца на ее плечах и голой шее.

— Не шевелитесь.

Ассистент потянулся к щипцам. Осторожно он снимал одну студенистую тварь за другой и складывал глубокое лишенное ручки ведро.

— Холод. Невыносимый холод и затхлый воздух. Светило там – лишь призрак нашего солнца. Оно не ярче луны и не затмевает света звезд. Я видела голые холмы Ада и склизкие души, копошащиеся в лощинах. Там жизни нет, там тлен. Мир магистра – это прах, это само Инферно.

По залу прокатился рокот, особенно громкий от новичков. Полумертвая от увиденного, женщина больше не говорила заученных слов. Игра прекратилась, в ней больше не было смысла. Путешественницу трясло от холода и страха, и каждое слово, произнесенное ей, вселяло еще большую тревогу. Сомневаться в их правдивости не приходилось. Еще минута – другая, и она начнет брезгливо отряхивать руки и шею, затем, скорее всего, пронзительно закричит или упадет без чувств. А значит, момент настал правильный.

Достаточно странного театра. Я слегка коснулся циферблата фальшивых часов, пряча руку до времени от ненужного внимания. Прежде чем охрана успела заметить мой жест, я поднял руку на уровень глаз. Зеркальный кружок вместо циферблата — в нем отразились потные лбы, тяжелые шторы и край закрывшейся норы в место, которое так влекло завсегдатаев клуба. Ниже, нужно показать ему перстень, но его упорно прикрывало чье-то плечо. Я подался вперед.

— Зеркало! – истошно заверещал кто-то за моей спиной, видимо поняв, чем я занят.

Но было поздно, край перстня попал в отражение, несмотря на спешные попытки его скрыть. Ко мне пробиралась охрана, но давка уже началась. Напирающий разношерстный сброд в нафталиновых платьях и смокингах пытался протиснуться к выходу. Они почуяли запах озона и меди, прежде чем огненным белым прутом из зеркальца с моих часов вырвался свет. Он опалил воздух и напудренные прически и бороды, скользнул по пыльным шторам, оставляя прожженные дыры. Стекло столика треснуло. Раздался крик. Споткнувшись о ведро, к давящей саму себя толпе бросилась выбравшаяся пару минут назад из зеркала женщина,

² Я свидетельствую Ад (эсп.)

мгновенно отойдя от шока пребывания по другую его сторону. Прозрачные круглые полуслизни-получерви, едва заметно пульсируя расползались по дощатому полу.

Поток огня и света иссяк так же быстро, как и появился. Достаточно для суеты и ужаса. Я никого не собирался убивать из толпы этих идиотов. Вжимаясь в стену и уворачиваясь от прокладывающих локтями путь перепуганных людей, я медленно продвигался к сцене. Тлели шторы и выжженные в деревянном полу дыры, но, к счастью, ни дыма, ни огня. Покосившийся столик находился в паре шагов от меня и перстень все еще на нем. От него исходило легкое жужжание, словно в маленькой вещице уместились тысячи разозленных ос. Я коснулся его прежде, чем на столик легла пятерня. Тонкие пальцы царапнули стекло, на котором секунду назад лежала смертоносная вещь.

Полные отчаяния глаза смотрели на меня из-под широких полей шляпы.

— Это ты?

Я задал вопрос, но такой же задавали глаза, только безмолвно. Их взгляд скользнул к моему запястью, будто ожидая, что вот-вот вырвется из зеркальца и выжжет их беспощадное пламя. Что-то коснулось моей лодыжки. Я брезгливо отшвырнул холодное существо, пытающееся обвить мою ногу. Остальные уползли в еще идущую рябью, хоть и утихающей, нору-зеркало.

— Уходите отсюда, — сказал я путающимся под ногами гостям. — Живее!

Пустеющий клуб наполнялся легкой дымкой от тлеющих штор. От старинного зеркала веяло нестерпимым холодом. Я стоял рядом и чувствовал, что нора еще не закрыта. В зеркале копошились тени, а оно само массивным магнитом притягивало внимание. И влекло меня самого, словно имело гипнотический взгляд. Шагнув к нему, я убеждал себя, что сделал его осознанно. Просто взглянуть, не больше. Там в глубине толстого стекла за мелкой рябью торчали, втыкаясь в клубящееся небо острые пики мертвых скал. Серебряное море лежало за ними, сливаясь с горизонтом, на пустынном берегу которого копошились неведомые твари. Я заставил себя моргнуть, смахнул рукой видение. Ничего, только мутные отражения опрокинутой мебели в потрескавшейся амальгаме.

Крики протискивающийся к выходу толпы сменялись криками, доносящимися из-за стен. Ни спокойствия, ни спасения их там не ждало – они слишком быстро забыли о фальшивой луне над городом.

Я присел на край опрокинутой скамьи, снял и бросил под ноги часы. Перстень тяжелым грузом оттягивал карман. Шнырь стоял рядом и говорил, что пора бежать вместе со всеми. Не оставил меня, хотя знать не мог, что на улице начнется чистый ужас. Я жестом остановил его, убедив, что уйти успеем.

— Где ты, там безопасно, да? – спросил он и, не дожидаясь ответа, присел на скамью рядом со мной.

Зал опустел. Крики стихли. В просторный хал вернулось спокойствие запустения и ночи окраин.

— Что теперь? – спросил тихо шнырь.

— Теперь мне нужно кое-кого убить.

Шнырь понимающе кивнул, но все же покосился на меня, пожевывая губы. В его глазах читался осторожный вопрос: кого?

«Магистра», — ответил я про себя и на мгновение закрыл глаза.

2.

Пригород не менялся много лет и скорее всего останется таким, даже когда солнце погаснет. Ему солнце ни к чему, за туманом смога и дыма заводских труб, он и так почти не видит его. Фонари в окнах – вот и весь свет. Кому нужно больше?

Но полгода назад ночь была веселее, без медной луны в небе и похищенных перстней. В ней витал обычный запах приключений, которые редко заканчивались хорошо. Тогда в одном из окон торчала голова Кнута, близоруко вглядывающегося с конец улицы, по которой бурным потоком неслась вода после недавнего ливня. Он тарабанил пальцами по подоконнику и страшно этим раздражал. Силуэт его головы за грязным стеклом приоткрытой створки напоминал ошипанную голову голубя.

— У нее желтый плащ? – хрипло спросил он и щелкнул зажигалкой. В комнату полился сизый дым, настолько едкий, что перебил даже вездесущий запах вареной капусты.

— Дождевик, — поправил я.

— Значит не она, — он выглянул из-за створки и выпустил в комнату струйку дыма. — Долго еще будешь копать?

Я попросил прикрыть рот и не торопить меня. Ким не шла, хотя смена давно закончилась. В выходные смены почти вдвое короче.

— Слушай, — голос Кнута стал более тихим и елейным, — если она тебе не родня, чего ты с ней не того...? — он постучал ладонью по подоконнику, с которого посыпалась мелкими чешуйками краска и загоготал, давясь дымом.

Я сделал вид, что смущенно улыбнулся, на деле лишь скрипнув зубами. Кнут бывает идиотом, а бывает и засранцем.

— Смотри на улицу, не отвлекайся.

— Да ладно тебе, — Кнут поднял воротник, зажав окурок в зубах. — Ни себе ни людям.

Последнее он процедил, но я услышал. Не в первый раз слышу этот треп. В полумраке комнаты не разглядишь ничего. Я лишь знал, что самые ценные вещи Ким хранит здесь, за изголовьем своей узкой кровати, прикрытой потрепанным пледом. Такой же плед прикрывал стену, и под ним расплзлось, я знал это наверняка, черное пятно вездесущей плесени. Рыться в вещах Ким – задача не из легких. Все слишком аккуратно расставлено, и даже огрызок карандаша на желтом блокноте всегда на своем месте. Попробуй еще верни его обратно правильно. В бардаке копать было бы куда проще.

Но я знал, что искать. Под стопкой аккуратно сложенных квитанций и старых писем и книг отца жались друг к другу несколько розовых ассигнаций. Я вытянул одну, на секунду задумавшись, подхватил пальцами другую и сунул обе в карман. Задержался взглядом на грязно-оранжевой бумажке, торчащей между писем – разглаженная тонкими пальцами Ким обертка от какой-то дешевой сладкой ерунды, которую можно купить в центре за половину дневной выручки. Сентиментальная чушь, как и эти письма, скрепленные резинкой, которые она мне все порывалась прочесть. К ним, видимо прибавлялись и новые, хотя кто мог нам писать?

Все на месте, как и вчера, когда я так же копался тут, норовя стянуть десятку. Ким не прятала деньги от меня, но брать их в открытую я не мог, хотя на половину из них имел полное право. Особенно за тот месяц в загаженном цеху, где, закатав рукава мы таскали железную стружку в дырявых корзинах. Вчера поверх мягких купюр лежало письмо. Я хорошо его помнил, хотя и жалел, что не смял и не выбросил немедленно, как только увидел. На нем, совсем белом, еще не тронутым плесенью и пылью стояла чернильная печать Магистрата – два скрещенных ключа и витиеватая надпись на новой латыни.

— Игнат, шевелись! Кто-то идет!

Я торопливо прикрыл стопку писем желтой тряпкой, которая когда-то была сарафаном. Вернул на место россыпь бессмысленных вещей и обернулся. Кнут и не думал смотреть в окно. Держа на весу крышку, он копался пальцами в сковороде.

— Готово? — спросил Кнут и вытер руку о штанину. Уронил крышку. Грохоча, она закатилась под шаткий табурет. — Ладно, хрен с ней!

В дверях я обернулся, вытолкав в спину Кнута и ища по карманам ключ. В темноте наша с Ким крохотная комната казалась непомерно огромной. Желтое пятно света от окна косым крестом повисло на стене, и к нему медленно подползала из сырых углов темнота. В свете кружилась пыль, которая, казалось, не оседала здесь никогда. Я поморщился. Сложно ненавидеть это место еще больше.

— Ну, ты идешь или как?

Закат над Пригородом всегда грязно-красный. Он бордовой полосой протянулся по небу над маслянистыми крышами громоздящихся на холмы бараков, облезлых домиков и кирпичных уродливых зданий, казавшихся тут высотками со своими тремя-четырьмя этажами. Узкие улицы, петляя, ползли на холмы, терялись среди угрюмых заборов и стен, спускались к реке. Запахи жареного сала, дешевых сигарет, капусты и дождя наполняли улицу, по которой все еще катилась вниз мутной рекой вода.

До центра недалеко, но петлять придется изрядно. Тут и там переулки перекрыты или непроходимы от глубоких луж, грозящих остаться здесь до осени, а кое-где и вовсе не следует появляться, если не хочешь неприятностей.

— Куда? — Кнут дернул меня за рукав, не дав перепрыгнуть на ту сторону потока под дырявый навес давно закрытой швейной мастерской. — Пойдем через Тубенурам.

— Зачем такой крюк?

Проулками через склады всегда было намного ближе. За дырой в стене на вершине холма видна была россыпь гнилых спичечных коробков — таким казался оттуда Пригород — заполнивших низину до самой реки. За рекой под прожекторами охранных аэростатов чернели разбухшие шашки нефтяных терминалов, а прямо внизу неоновым заревом горел центр и манил какофонией звуков.

— Ты что ли проснулся только? — Кнут попытался щелкнуть мне по лбу все еще жирными от сала пальцами, но поскользнулся на глине и ругнувшись схватился за стену.

— Ты о чем?

— Магистр же прибыл в Пригород. Тебе ли не знать? Значит, перегорожена половина улиц — это точно тебе говорю. И шнырей столько, что без пропусков шага не ступить. Магистр в нашей дыре, подумай!

Звучало не более правдиво, чем новость о выигрыше в лотерею, например. Я всмотрелся в конец улицы, на которую напозала тень домов. Вот почему Ким так долго, мог бы догадаться. Об этой новости гремел весь Пригород еще позавчера, в то время как я, дыша теплой сыростью боролся с полуденным зноем, пока он окончательно не сморил меня.

Мысли бродили в голове только о том, куда могла запропасться Ким. От моего предложения пойти домой, Кнут отмахнулся.

— Еще скажи — на завод. Мы точно встретим пару сменщиц в баре, и они скажут видели твою сестру или нет. Разве не разумно?

Звучало действительно резонно. Но бары были все еще пусты, хотя это нисколько не мешало Кнуту опрокидывать в себя по рюмке в каждом из них. Когда казалось, что он уже не способен стоять на ногах, у Кнута вдруг открылось второе дыхание. Он говорил с какими-то типами с мутными глазами о таких же мутных делах. Мимо других торопливо проходил, вцепившись в мой локоть.

Солнце почти скрылось за крышами домов. Оно красным призраком просвечивало сквозь смог, нависший над горизонтом. А значит шесть вечера уже давно позади. Ладно,

поздно о чем-то жалеть. Я забрал у Кнута только что открытую бутылку пива. Он проводил ее взглядом и покачал головой.

— Так не пойдет. Если уж пить с приятелем, то пить красиво и много.

Он наугад ткнул пальцем в сторону случайного бара,

Насчет шнырей Кнут оказался прав. Нас остановили дважды. Сначала на перекрестке Тубенурам и Тины – закопанной речушки, превращенной в извилистую улицу между пекарнями и кожевенной мастерской. Меня тут знали в лицо. Один из шнырей волочился за Ким полгода назад и все еще не рисковал напрягать меня просьбами показать пропуска. А второй раз уже почти у центра. Нам бы прыгнуть под полог, из-под которого дым трубой и запах пива, да смешаться с толпой, но Кнуту приспичило задержаться – погладить бывшую по тощей заднице и перекинуться парой слов со своими пронырливыми друзьями. Я как раз хотел его окликнуть, как пальцы схватили меня за локоть. А над ними манжета с орлом и унылая зелень кителя. Шнырь. Последнее время не ладится у меня с ними. Как бы не прошел слушок, что я разбил скулу одному из них и все еще на свободе, хотя это звучало неубедительно. В таком крысином месте как Пригород, я ни разу не приложился кулаком ни к одной физиономии, хотя поводов была дюжина в день. На это у меня был Кнут.

— Карманы! – он ловко похлопал меня по полам куртки, заинтересовался хрустом. Ясное дело – там же две по полсотни. Даже пропуск не спросил.

— Куда без пропуска собрался? – это уже Кнут, сделал напускное серьезное лицо и зашагал ко мне, виновато поглядывая в сторону шныря. Пальцы с локтя исчезли сразу, как только он сунул под манжету сложенную трубочкой пятерку. «Пропуск» шныря устроил.

— В забегаловке Рамиля угощаешь ты! – заявил Кнут.

Рамиль раскошелился на новенькую вывеску и повесил ее повыше. У старой отбили пару трубок месяц назад, и она неприлично искрила. Подозревал он меня и все еще смотрел нехорошо. Хотя, все может быть. Что там было месяц назад – пойди помни.

Я кинул взгляд вверх голов. Показалось, что фигурка в желтом нырнула в проулок. Может и она. Хотя тут таких дождевиков...

— Чего унылый? – Кнут вложил мне в ладонь липкий комочек. «Повар» придал ей некую уродливую форму и даже подкрасил с кислотный цвет. Я все еще продолжал надеяться, что он не сам их жует, нашпиговывая потом своей дрянью.

— Не хочу, — поморщился я, вспомнив редкозубый оскал «повара», но Кнут сжал мои пальцы в кулак, пряча жвачку от любопытных глаз. Он склонился ниже и шепнул прямо в ухо. – Я тебе гостинец, ты – кассу. Выпивка и пара бабочек на вечер. Кнут обещает.

— Ладно, — я нехотя сунул ему купюру. Кнут победно шелкнул у меня перед носом пальцами и скрылся в пестрой массе рыл.

Я ждал, оглядываясь и подпирая спиной столб, на котором держался навес. С него все еще падали тяжелые капли. Попрошайка в промасленном жилете ошивался рядом, пару раз пытался завести разговор и просил сигарет.

— Все кипит, бормочет, сплетничает, — говорил он, кивая на кривые улицы. – Не иначе магистр пожаловал снести тут все и построить еще нефтехранилищ. Что думаешь? – поняв, что ничего я не думаю по этому поводу, он продолжил. – Набирают всех подряд. Зарплата – деньжища немеряные. Кого прислугой, кого в охрану, а то и лакеем специальным для колки льда. Работа не пыльная, жаль, что временная, пока старый хрыч не вернется в свой анклав или где он там обитает, — попрошайка облизнул губы. – Могу поговорить с кем надо – сунут в свиту. Десятку возьму. Что скажешь?

Мне стало смешно. Бродяга предлагал мне то, от чего я пытался спрятаться в недрах Пригорода. Но ему откуда знать.

Кнута он не заметил. Тот сгрёб его за шиворот и отправил смачным пинком под дождь. Подмышкой он держал бутылку без этикетки и три пачки сигарет. Одну тонкую и зеленую с кривыми буквами.

— Для бабочек, — пояснил он. — Идем, нас там уже ждут.

Я обернулся на угол, где попрошайка обиженно потирал бедро и уже поглядывал на зевак.

— Может правда с подвязками человек.

— Этот? — Кнут кивнул в его сторону и пожал плечами. — А оно тебе надо?

— А тебе?

Кнут криво усмехнулся.

— Чего я там не видал? Записаться прихвостнем в свиту за жирную котлету? Я лучше идею знаю. Есть старый мастер один в цехах, через полгода списывают, но пока ищет помощников чтобы место передать. Мы с тобой к нему пойдём. На все полгода, — он хлопнул меня ладонью по плечу, — доступ к меди и прочим гостинцам без всяких шнырей! Потом сольёмся. Понял, куда веду?

Я промолчал, не решаясь сказать, что все еще, пока не наступили чертовы шесть вечера, числюсь в свите магистра стараниями непонятно куда исчезнувшей сестры. И понятия не имею что будет, если не приду на проходные вовремя. Впрочем, я и не собирался идти туда. В конце концов, Ким, как всегда, залезла не в свое дело, снова решив, что знает как для меня будет лучше.

Он загоготал и толкнул меня в спину в двери низкого замшелого бара, из которого тянуло подгоревшим мясом.

Бабочки Кнута тянули максимум на мотылька и моль. Одна возраста Ким в короткой курточке без пуговиц на голое тело. Она смотрела на меня сквозь облака выдуваемого дыма, хотя Кнут держал ее за талию крепко и что-то нес насчет едва ли не личного знакомства с верховным магистром. Вторая полностью ушла в себя и мутным взглядом следила за дракой на улице сквозь залапанное окно. Я позвал ее по странному имени, но она не ответила.

Тогда я уставился в экран, показывающий беззвучные картинки над рядом полок с дешевым пойлом. Сначала дымили трубы на фоне закопченного неба. Вот удивили — у нас такие сразу за рекой. Мельком показали голубые башни столицы. Правильно, что мельком — чтобы зависть и злость не грызла. После рукопожатий и фальшивых улыбок, на экране всплыл линкор — флагман Соединенного Космического Флота. На его фоне командующая Марита Кэссиди казалась еще мельче чем обычно. Ее тонкие губы сжаты до нездоровой белизны, серые глаза с прищуренными уголками равнодушно смотрели с экрана.

— Эй, ей форму на спецзаказ шьют, а то бы фуражка на ушах висела! — Кнут заржал, откинулся на стуле и облился пивом. — Черт!

— Не твоего уровня девушка, так и признай, — буркнул Рамиль за своей стойкой.

— Чего? — Кнут скривился в улыбке и принялся тереть пятно на кофте рукавом. — Это само собой. Она же мелкая как степная мышь. И такая же злая. Ты посмотри на нее, — Кнут сунул рукой в сторону экрана, но попал уже в какого-то костлявого члена Директории. — Будь она без охраны и голышом, я бы в жизни к ней не подошел.

Он делано скривился и сунул сигарету в зубы, а затем нагнулся ближе ко мне.

— Хотя, нет, подошел бы. Знаешь зачем?

Гогоча через слово, и заглушая клекот бара, он принялся делиться подробностями. Бабочки Кнута демонстративно ушли, захватив недопитое пиво.

— Ну и катитесь! — буркнул Кнут.

Он совсем скис, пошарил мутным взглядом по бару и вернулся к стакану.

— Меня взяли, Кнут, — сказал я еле слышно, надеясь, что он не расслышит. Но так легче. Вроде как поделился. Моя проблема, что он набрался и не слышит ничего? Но он все

слышал. Его лицо на миг протрезвело, отразив легкое непонимание, почему эту новость он узнает только сейчас.

Я поступил на службу магистра, по глупости, засевшей в моей голове в тот момент, когда я решил, что мой настоящий дом – Пригород, а не ничтожно маленькая его часть на окраине, где ютились я и Ким.

Дом я чувствовал по запаху. Плесень и прогорклое сало. Иногда каким-то чудом в нем различался тонкий запах мыла. Так пахли волосы Ким. Вот и сейчас. Я понял, что она склонилась надо мной. Ее прохладные пальцы потрогали мой лоб. Я хотел позвать ее по имени, но Ким сказала, что еще ночь.

Ночь. Но жидкий свет уже сочился в окно. Значит до смены пара часов.

— Ты уйдешь?

— Нужно. Так нужно.

Я попытался повернуть голову, но затылок взорвался тяжелой тупой болью. В глазах вспыхнули и погасли лиловые пятна. Ким не включала свет. Даже свечку не зажгла. Все верно – не привлекать же окошком ночных бродяг. Я смутно различал в темноте ее худое тельце в халате. Нет, не в халате. На ней комбинезон, хотя на работу еще рано.

— Ким? – я облизал губы. Страшно хотелось пить.

— Я ждала. Хотела поговорить.

Я спросил, о чем и зачем.

— Письмо на столе. Ты увидишь утром. Пожалуйста, пойди туда. Я обо всем договорилась. Ты должен пойти, обещаю!

— Куда? – спросил я. Но видимо лишь в своей голове. Искать в темноте силуэт Ким было все сложнее, веки налились свинцом. Я закрыл их и открыл снова. В окно светило солнце, разбрасывая тени. Грязные штаны висели на спинке стула, сохли. Ким ушла.

Мне потребовалось куда больше времени, чтобы прийти в себя, чем я думал. Я ждал Ким, прихлебывая воду из банки, но она все не шла. На столе, где обычно под гнутой крышкой она оставляла мне завтрак, не было ничего, кроме письма. Оно сразу привлекло мое внимание ненормальной белизной бумаги, но прочесть смог лишь когда пятна перестали плясать в глазах.

Большая часть на новой латыни – не понял ни строчки. Внизу от Ким:

«Игнат. Это пропуск на площадь сегодня с полдень. Найди охрану магистра и отдай им. Сделай, прошу тебя».

И маленький чертик внизу из кляксы и палочек.

— Черт! Ну спасибо.

Я предпочел бы завтрак, а не задания с утра. Оставалось кинуть в рот пару отыскавшихся в столе сухарей, запить все той же водой и наконец забыть о причудах Ким. Так я и собирался сделать. Но за злостью пришла тревога, а за ней липкий страх. Выходной у Ким – единственный в этом месяце по календарю сегодня. Время, когда мы молча сидим в своих углах и стараемся не раздражать друг друга. Но к вечеру ее тихое пение про себя и шептание самой с собой, когда она начинала перебирать письма и раскладывать их на старом пледе в одной ей известном порядке, начинало бесить. Тогда я брал куртку и уходил, видя краем глаза, что она смотрит вслед.

Я покосился на ее маленький столик между изголовьем и заплесневелой сырой стеной. Блокнот и карандаш на полу. Это странно. Письма на месте, но ворохом, словно не хватило минуты чтобы их сложить. Тоже подозрительно, но не так, как отсутствие Ким. А стрелки часов продолжали ползти к полудню.

Найти сводную сестру в Пригороде не сложно. Тут куда меньше мест, которые ей по душе, чем тех, где обычно торчим я и Кнут.

Чистая, хоть и поношенная, и залатанная не один раз одежда ждала меня на стуле аккуратной горкой. Оставила, хоть и наверняка обижена на меня. Хотя я точно помнил, как она поцеловала меня в висок ночью. Обычно так не делает, хотя в глазах ее никогда нет ни следа злобы.

Я наспех натянул на себя чистое, сунул письмо в карман и проверил грязные с засохшими пятнами штаны. Вторая купюра бесследно исчезла. Ким не могла не заметить! Я бросился к ее столику. Остальные деньги лежали на месте. Я взял только пару монет, на случай если закончатся сигареты.

У дверей зачем-то снова обернулся. Паршивая привычка. Раскиданные вещи застыли в ожидании ловких рук Ким, которая вернет все по местам. Конечно, в первую очередь письма. Я прикрыл дверь и отправился на площадь.

Верховный магистр никогда не приезжал в Пригород. Более того, большинство обитателей нашей мусорной кучи, возможно, сомневались даже в том, что он существует, как и в том, что какой-то другой, более приличный мир за границами пустошей, обтянутых проволокой, тоже есть в нашем мире. Единственным свидетельством существования магистра для других оставался Зеленый дом под холмами, за стенами которого день и ночь кипела работа – подготовка к визиту кого-нибудь из крупных шишек Магистрата, в который всерьез вряд ли кто-то верил.

Зеленый дом назывался так не из-за садов, которые если и были когда-то, давно уже стали гнилью в ядовитой земле. Зелеными были сами его стены, а вечно затянутые шторами окна едва выглядывали из-за высокого забора, за который, как всем казалось, никогда не опускалось ни чешуйки пепла или сажки. Купол с обращенным к небу барельефом в виде скрещенных ключей. Слева и справа минаретами покачивались радиовышки. Больше за оградой не разглядеть.

Зелень стен я видел издалека. Ее не скрывали ни море косматых голов, ставших единой икорной массой, ни выросшие длинной щетиной флагштоки. Я стоял поодаль от тех мест, где стекающиеся ручейки зевак приобретали угрожающую давкой плотность. Приближаться ни к толпе, ни к охране, выстроившейся за прозрачными щитами вдоль перегороженной улицы, желания никакого не было. Трепля уголки письма в кармане, я был уверен, что не извлеку его оттуда. Все что я собирался сделать – вытащить отсюда Ким, пока толпа не втерла ее в шербатый асфальт.

Вскоре послышались угрожающие свистки. Охрана качнулась, отесняя толпу от обочины. Мне казалось, что я слышу шорох трущихся друг о друга щитов. Ясно было, что без разбитых голов и вывернутых рук сегодня не обойдется. Главное – вовремя исчезнуть, пока редкая забава для любопытных не превратится в настоящую заварушку. Не помешал бы поблизости Кнут. Его способность вовремя исчезать из любого тупикового места и удивляла и была очень полезной. Особенно сегодня.

Я, прищурившись, взглядывался в неровную кляксу толпы. Где же ты, Ким? В ее маленькую головку иногда прилетали безумные идеи. Как, например, сбежать из Пригорода и попытаться счастья на окраинах анклава, того, что поближе. Или раздобыть ведро краски и привести в порядок стены в доме, словно это что-то изменит для нас самих. Сейчас она заполучила где-то дурацкое письмо... Хотя стоило признать, что некоторые ее чудачества я вспоминал с теплотой.

Тот единственный наш поход в кино был ее затеей. Мне было четырнадцать, и я отчаянно хотел остаться дома, но Ким молча тянула меня за руку и то и дело показывала раздобытые неизвестно как билеты. Я злился. Мне казалось, что глупое кино – совсем не то, что нам нужно сейчас, когда дом еще помнит запах и голоса отца и мамы, но потихоньку утрачивает их. И каждый миг вне стен – еще один миг, потраченный зря. Ведь неуловимые тени их присутствия

тают слишком быстро. Я рассчитывал злиться весь фильм, но, как назло, он был хорошим. Не нашим – я не понимал ни слова, но в мелькании рук и ног в моменты драк или соития и в манерных полетах пуль был свой язык, не требующий перевода. А перед ним обычный поучительный ролик минут на двадцать, объясняющий, что наша жизнь в заплесневелой комнате среди свалки, бесконечных заводов, нефтехранилищ и стальных труб вовсе не напрасна. Он начинался бодрим голосом диктора, говорящим то, что в общем-то знал каждый. Просто все это давно уже было не важно.

«Объединенная империя, Земной Консорциум – еще полвека назад никто не слышал этих слов. Мир раздирал хаос, холодная война, революции и мятежи. Мир голодал и накапливал ядерные арсеналы, мир отчаялся выбраться из тупика, в который загнал себя сам. Нехватка ресурсов, истощение резервов в бесконечных войнах – вот к чему пришла к середине XX века мировая история. Мы не знаем каким был бы мир сегодня, если бы ранним утром тысяча девятьсот пятьдесят второго года Антон Боши не запустил Гальванический куб и не открыл первое окно в мир, который известен нам как Марена...»

Марена... О таких вещах лучше не думать, вообще не держать их в голове, когда живешь в месте подобном Пригороду. От фантазий о кристально чистом небе далекого мира и городах среди лесов и парков, которые наверняка сделаны из прозрачного кварца, озираться по сторонам особенно тошно. Нет, не от черных заводов, грязи и трущоб. Я вырос в них, и они были моим домом. От оптимистичных рыл, сующихся туда, где им почуялась кормушка. Тут таких было полно, и я ненавидел каждое.

— Куда? – локоть стукнул меня в грудь, оттеснив на метр от зевак, пробравшихся куда ближе к дороге.

Я промолчал, и шнырь в серой форме с дурацкими нашивками потерял ко мне всякий интерес. Над краем его тряпичной маски бегали маленькие прищуренные глаза. На каске обычный знак «КК» — значит еще полиция Пригорода. Охрана магистра скорее всего засела ближе к шоссе и вряд ли заявляла о себе шевронами.

Я пропустил момент, когда на повороте у холма показалась первая машина кортежа. Но заметил, как шевельнулась толпа – как слаженная колония мелких тупых существ. Кто-то завизжал, скорее всего придавленный движущейся массой. Кроме зевак были тут и те, кто пытался пробраться вверх к Пригороду после смены, встречая сопротивление толпы и шнырей.

Глупой идеей было явиться сюда. Обернувшись, я заметил, что людей отогнали от фургонов, стоявших на пыльной обочине. На пару минут там образовался проход наверх, по которому можно было прошмыгнуть к ютившимся на холме кварталам.

— Черт с вами! – я зашагал к проходу. Пропустил перед собой чудом уцелевших в толпе бедолаг, как и я спешивших домой. Тощий техник – еще мальчишка, как и я, в висящем балахоном комбинезоне пробежал под тент, едва не сбив с ног девчущку, семенящую за мамой или старшей сестрой. Их я тоже пропустил и получил короткий кивок. Наверняка не с кем оставить и оба спешат с завода. Знакомо до боли. Особенно мутное чувство усталости после тревожного сна в цеху, где машины гремят, не переставая и предчувствие удовольствия от того, что скоро наконец поешь тем, что осталось с ужина. Я так таскался каждую неделю, с тех пор как Ким перестала сидеть дома и тоже отправилась на завод. Проход быстро перекрывался. Техник проскочил за машину, но нарисовавшийся за ним шнырь грубо толкнул девушку в плечо. Она налетела на меня, едва не сбив девчущку с ног. Техник обернулся, но сделал это неуклюже. Мгновенный замес погас ударами двух коротких дубинок, только пыль взвилась над тощим телом, полетевшим на асфальт. Бывает. На то они и шныри. Один, разгоряченный удачным ударом по умной роже техника на секунду отвлекся на девчонку под локтем, а затем смахнул ее на дорогу.

— Полегче, шнырь!

Я может и не назвал бы его так, понимай его маленькая голова с кем можно так обращаться, а кого лучше просто попросить. Толкни он меня, только виновато кивнул бы да обматерил сквозь зубы и вроде как квиты. Может и сейчас так стоило – промямлить что виноват и увести девочек подальше от автомата на его пузе. Определенно стоило.

На всякий случай, я встрял между шнырем и девчонками – кто знает, что у него там в башке – может искрит от избытка секундной власти. Может за оружие схватится. Само собой он ударил и не просто так. Получить кулаком в скулу – обыденное дело, от шныря тоже вроде как нормально – что-то вроде налога, только проплаченного рожей. Но он залепил ладонью — унизил значит?

Толпа за моей спиной колыхнулась. Что там происходило я не знал, я смотрел в узкие глазки, совершая этим еще одну ошибку. Наконец поднявшиеся на ноги девочки юркнули в сторону дороги и скрылись. И хорошо. Я сделал бы то же, если бы пухлые пальцы шныря не скользнули по моему лицу еще раз.

Я толкнул его в ответ, хотя на моем месте Кнут заехал бы по шныревской рожке. Он отшатнулся, опешив от такого поворота. Мне бы бить до конца. Понятно же, что извиняться и опускать голову поздно. Надо было бить... Удар сзади по шее я почувствовал почти мгновенно. Ладно бы по затылку – выключился бы и очухался уже когда все закончится. Но по шее зверски больно. Отошедший от шока шнырь ударил по коленкам, сбив с ног, сунул мне в лицо дуло автомата. Кислый запах железа я хорошо чуял, ожидал что он вот-то прервется одной яркой вспышкой.

— Грузи гниду! – меня схватили за шиворот. На мгновение перед лицом мелькнула фуражка офицера.

— Капитан! – хрипло крикнул я, все равно что сплюнул. Во рту сладковато – сильно сунул дулом в зубы, гад.

Офицер брезгливо скользнул по мне взглядом. Я сунул руку в карман, пытаюсь достать письмо, но мне из быстро скрутили за спиной. Письмо! Держать бы его в руке. К черту его содержимое и мутные фантазии Ким, тут не угодить бы в расход. Иногда тела таких вот как я находят на пустыре, сами шныри и находят – заблудились, говорят и замерзли. В июне то.

— Что тут? – шнырь выдернул конверт у меня из пальцев, впился в него глазами, затем озадаченно отдал капитану. Все это время я старался не шевелиться, чтобы не вырвать руку из плеча. Их, видимо, лет пять выкручивать руки обучают. Может даже медальки за это дают. Мой шнырь явно из лучших в группе, достоин ордена.

Офицер недолго смотрел на смятое письмо, на штамп — скрещенные ключи.

— Где ты это взял?

— Мое, — прошипел я.

— Громче, ублюдок!

— Мое! Это мое!

Меня снова толкнули к машине. Фургоны уже завелись, солдаты отгоняли прохожих от выезда. Я глубоко дышал, прощаясь с пыльным воздухом свободы. Лет пять, а может и семь им дышать не придется. Жалел о том, что не остался дома и вдвойне – что ударил не от всей души. Второго шанса уже не выпадет.

Меня все еще держали, прижимая щекой к брезенту, но не запикивали в фургон. Хватка шныря вдруг ослабла. Я краем глаза заметил его круглое лицо под каской – и следа не осталось, даже губа целая.

Капитан сунул рацию за пояс. От гудящей толпы, за которой уже медленно двигалась колонна кортежа, торопливо шагали двое штатских. Они молча забрали письмо, мельком скользнули по мне взглядами. Не нравлюсь? Но этих бить нельзя. Даже сгоряча.

— Идем, — пальцы штатского крепко впились в локоть и меня повели наверх. Кажется сработало. Спасибо, сестренка!

Отсюда хорошо был виден кортеж – восемь машин на пустом шоссе, вдоль которого полоскались на ветру флаги Казанского конгломерата.

Уж не к зеленому ли дому ведут? — мелькнуло в голове. Почти угадал. Некогда пустые корпуса за его оградой со слепыми окнами ожили и гудели теперь, как потревоженные улы.

Таким было утро моего последнего дня в Пригороде. Таким было утро того дня, в который мы в последний раз сидели за барной стойкой с Кнутом.

— И где твоя сеструха достала это чертово письмо? Не иначе как грохнула кого-то за него, – он делано прикрыл руками рот и икнул. Потом икнул снова и вдруг вскочив со стула заорал на весь бар. – Мой дружище теперь служит самому Магистру! Поняли, ушлепки хреновы?

— Да заткнись ты!

Но бар был набит до отказа и никому не было дела до того, что орет какой-то пьяный придурок. Только две девушки в углу обратили на нас внимание. Одна брезгливо поморщилась. Другая едва заметно улыбнулась и подняла свой стакан. На ней полупрозрачной дымкой светилась под фиолетовыми лампами белая блузка, а волосы собраны в хвост. И никакой яркой помады на губах. Такая явно не стружку в цеху носит.

— Видел, а? – Кнут подмигнул мне. – Запали сразу. А все почему? Да потому что ты король теперь! Король этого гадюшника, понял? А я лучший друг короля. Этот, — он повертел пальцами у своего лица, потом перед моим носом, вспоминая, — первый министр!

Кнут собрал стаканы и мою недопитую бутылку со стола.

— Идем к ним, живо!

— Хорошо, только если не будешь трепать через слово, что я теперь на службе магистра.

— Это еще почему?! – почти завопил он, толкая меня в спину вперед.

— Да есть, знаешь ли, причина...

Кнут оказался еще большим засранцем, чем я думал. Он не переставал твердить о том, что вот-вот мы с ним покинем продымленный паршивый Пригород и отправимся в анклав. А может и дальше – на саму Марену. Вот только ни друзей, ни родственников взять с собой не можем. Разве что пару подружек, которые не против дальних путешествий и шикарных развлечений. Высокая девушка в комбинезоне все еще морщилась, но уже не так презрительно и позволила купить ей эль. Ее красивая подружка с хвостиком смеялась глазами и покачивала головой. Когда наши взгляды пересеклись, она кивнула, намекнув выйти подышать. Мы смотрели в низкое серое небо. Она сказала, что ее зовут Идель, а мой друг придурок и трепло. Я возражать не стал, но и не согласился. Она попросила закурить, я отдал пачку, припасенную Кнутом, но сам не стал. Идель смотрела на меня, словно хотела что-то спросить. Но спросил в итоге нашего недолгого молчания – не видела ли она мою сестру. Понятно, что в городе, где нас больше двух миллионов, хотя никто никогда не считал, но поговаривали, что так, никто не обязан знать другого. Идель сказала, что ей пора и поцеловала в щеку. Я был слишком пьян, чтобы как-то ответить на это.

«Удачи на службе», — сказала она напоследок и исчезла на людной улице. Я пытался выследить ее в толпе, но увидел только расплывчатое лицо Кнута перед собой.

— Эй, возвращайся. Скажи им! Там никто не верит.

— И правильно делают.

Кнут нахмурился.

— Трепло что ли?

— Дело не в том. Я должен был явиться три часа назад, но я никуда не собираюсь.

Я ожидал допроса. Но его не было. Больше никто не выкручивал рук и не бил прикладами в шею. Все потому, что шнырей тут не было больше. В наспех обжитой комнате, где еще не со всех столов стерли пыль, были только знакомый штатский на новеньком вращающемся стуле, который при мне вынесли из машины, распаковали и собрали шустрые такелажники, молчаливый долговязый тип с гладкой как яйцо головой и я. Были еще типы, но я их за мебель считал. Они неподвижно, как те манекены в витринах в центре, смотрели в свои мониторы, на которых кипела икра голов. Изредка, когда потные лица попадали в фокус, на экране всплывало имя. Ищейки.

Кто-то задернул шторы, отгеснил меня от двери. Синий свет вспыхнул в новеньких лампах, и лица ищейек сразу стали как у мертвецов. У меня, скорее всего, тоже.

Штатского теперь можно было рассмотреть получше. Острый нос и выпуклая родинка на подбородке – вроде бы человек, не монстр, каким представляют слуг магистра. Только череп выбрит до синевы. От виска к затылку синяя вязь татуировки, обвивающей шею и уходящей за воротник рубашки. В пробитом ухе болталась тяжелая серьга. Он постоянно шурился, вкладываясь в экран переносного компьютера. Я не мог вспомнить, как они зазываются. Похожи на книжки и стоят, наверное, как все мои органы на черном рынке в Казани. Штатский все время оттягивал воротник и потирал рукой шею – видно, что скучал по кителю, воротнику стоечкой с гербами Консорциума. Имперцы. Смотреть на них неприятно, как на комету, что однажды стояла в небе – что-то далекое и непонятное. Чужое, одним словом.

— С гарантийным письмом от самого магистра полез в драку, да еще и с полицейским, — скучающим тоном говорил штатский, словно диктовал. Видимо и правда не мне. Один из ищейек едва заметно кивнул не оборачиваясь. Пойди пойми кто тут у них главный.

— Объяснитесь! – продолжил он.

Странно он выражался, как будто нас тут несколько или я двоюродная бабушка строго воспитания, к которой так обращаться надо. Я погладил скулу.

— Не дрался я. Шнырь девочку толкнул...

Штатский кивнул, развернул мое письмо и близоруко всмотрелся в оттиск.

— Имея это в кармане, лучше обходить неприятности стороной. Вы позорите не себя, вы позорите магистра. Тут его печать.

— Там девочка была, — напомнил я. — Шнырь-гнида ее чуть не раздавил.

— Шнырь..., — повторил штатский, словно пробуя слово на вкус. Видимо, для него – новое. Я ждал разноса или внушения, тот только барабанил по клавишам.

Принесли какие-то коробки. Заменяли оставшиеся стулья. Покосились на мое кресло, которое стояло тут лет двадцать до меня, но сгонять не стали.

— На исправительные работы теперь? – предположил я не самое худшее, просто чтобы развеять неприятную тишину.

Штатский пощелкал языком и ответил не сразу, заставив меня прокрутить в голове все варианты на остаток дня.

— Вы теперь работник магистра – почти что его собственность. Если вы не украли это письмо и действительно Игнат, то...

— Игнат. Сафин.

— Хорошо, Игнат Сафин. Пока можете идти. Соберите вещи, попрощайтесь с родными и в шесть вечера ровно подходите к канцелярии – это здесь. Вас будут ждать на проходной.

Я поднялся, не особо веря тому, что меня отпускают.

— Отказаться можно? Не прийти, например?

— Нет.

Я вспомнил про собственность магистра. Не жилось ему в своей резиденции или дворце, или где они там живут?

— Я понял вас.

Ноги моей тут не будет.

— Хорошо, что вы все понимаете, Игнат Сафин, — штатский порылся в папке и протянул мне узкий конверт. — Это постоянный пропуск, держите его на виду. И надеюсь, вам не хватит ума явиться в таком виде вечером? Купите нормальную одежду и сходите к парикмахеру.

К парикмахеру. Вот загнул! Про одежду тоже. Из какого места они вообще приехали? Впрочем, неважно.

— Меня берут охранником или что-то вроде того? Я вашей латыни и приемов боя не знаю, но могу...

Штатский издал странный звук, который я посчитал сдавленным смехом, и повернулся ко мне. Один его глаз почти что смеялся, хотя лицо оставалось скучно-непроницаемым, второй смотрел в одну точку неживым стеклянным взглядом. Наверняка ненастоящий. Видал я такое.

— Игнат, вас берут уборщиком. Выносить мусорные корзины и протирать пыль. И не показываться на глаза магистру при этом. Пока Его превосходство не закончит все формальности и не отправится на Марену.

Буду натирать паркет перед кожаными туфлями магистра и за ними тоже. Прекрасно. Спасибо, сестренка Ким, просто лучший подарок! Прикладом в зубы — как-то более приятно.

Я вышел в кишасий военными и штатскими двор и услышал смешок за спиной от долговогого. Словно плюнули в затылок. Черта с два я сюда вернусь! Кнут что-нибудь придумает!

— Понимаю, — Кнут медленно кивнул.

Пожав плечами, я кинул кислотную жвачку в рот и отправил туда же рюмку паленого рома. Тут ромом называлось все от мутных пузырей без этикеток до узких флаконов всех цветов радуги, выстроившихся передо мной на полках неровной шеренгой. Через минуту все они начали закручиваться в тугую пятнистую спираль, сквозь которую пробивались пятна курточек мотылька и моли, которые снова всплыли передо мной. И голос Кнута, говоривший что-то то ли мне, то ли безглазому механику, закручивающему спираль в тугую пружину золотым ключом.

— Эй, — жесткие пальцы Кнута побили меня по щекам. На меня смотрел фонарь и два его мутных глаза. — В порядке, братишка?

— Где мы?

Впереди и позади дождливая улица. Над нами плазменный экран — значит все еще в центре — мигает рекламой механических часов, словно кто-то тут может их купить. Кусок экрана в самом углу искрится и помигивает радужными помехами.

— Давай в яблочко, — Кнут вложил мне в ладонь половинку кирпича.

Он держал сигарету зубами и хлопал широкими ладонями, подбадривая. Волосы торчали над стоячим воротником его куртки как иглы ежа.

— На хрен, — я запустил кирпич в темноту переулка. Там скользнула по стене и затихла чья-то тень. Я прищурился, попытался поймать в фокус подозрительное движение. Там, где в конце переулка клином сходились дома, стоял силуэт. Не настоящий, пустой, словно кто-то нарисовал его прямо поверх улицы жирным карандашом. Его округлая голова пошатывалась из стороны в сторону и мне стало жутко. Чертов повар с его дрянью!

— Давай уйдем.

— Хорошо. Но сначала вот это, — Кнут сунул мне мутный флакон, перед тем сам глотнув из горлышка. Я последовал его примеру.

Улица казалась знакомой. Фонарь над моей головой отчаянно светил мне под ноги, в его свете искрились капли дождя. Темнота с концов улицы наступала, приближалась, не обращая

внимания на его на его бодрый свет. Я жался к столбу, боясь, что мокрая холодная темнота вот-вот коснется меня и прилипнет к коже.

— Эй, это же мой дом!

— Ты сам нас тащил сюда, приятель! Орал, что я не помогаю тебе сестру искать. Пришли. Доволен? – он отхлебнул из бутылки и зло уставился на меня, а я на темные окна дома. Приоткрытая дверь хлопала от сквозняка. Видимо забыл закрыть.

— А вы еще кто?

Кнут швырнул бутылку через плечо, и она покатила по грязной мостовой, чудом оставшись целой. Кнут выставил перед собой руки, готовый достойно встретить три тени, выплывшие на пустую улицу.

— Игнат Сафин? – сказала тень. Не спрашивала, утверждала, словно я не знал собственное имя. Я не ответил. Я продолжал смотреть в окна не понимая, почему в них все еще нет света.

— Братишка, эти трое, кажется, ищут проблем, — усмехнулся Кнут и шагнул вперед.

Я ждал мордобоя и был бы ему даже рад. Только голоса мне не понравились. Совсем не похожи на шнырей.

Кнут завизжал. Я не сразу понял, что это был именно он. Осознание пришло, когда мне под ноги шлепнулось его костлявое тело. Странно вывернутые назад руки и остекленевшие глаза. Но он еще дышал. Из рваной штанины торчала и поблескивала на свету розовая кость. Я открыл было рот, чтобы позвать на помощь, но резкий удар выбил весь воздух из моих легких.

— Ты заключил контракт, придурок!

Я лежал и не мог встать. Хорошо, что лицом не в сторону темных окон. Передо мной белело опухшее лицо Кнута, который был совсем не похож на себя. И все еще слабо дышал. На его сальной коже играли блики огня. Того, который трещал позади и обдавал жаром затылок. Там горел мой дом.

По привычке, оставшейся с очень далекого детства, в котором еще было место книжкам и рассказам отца перед сном, от слов Объединенная империя — тогда Консорциум еще иногда так называли — перед глазами, возникала картина миллионов немыслимых миров, стянутая в единый организм волей маленькой голубой планеты. Но на самом деле, это не так. Нет необъятного количества колоний, нет богатой метрополии и армады космических крейсеров, бороздящих из конца в конец могучую империю и еще не покоренные пространства, нет мудрых генералов и загадочного всесильного правителя. Нет ничего, кроме безжизненного пространства, Земли, все так же летящей по своей орбите вокруг желтого карлика и Марены.

Марена – это колония. Единственная, зато дающая моральное право маленькой разрозненной Земле называть себя империей. Странное название, я бы сказал даже – не красивое. Говорят, что так звали жену Антона Боши, впервые увидевшего пейзажи тогда еще безымянной планеты в своем гальваническом кубе. Красивая легенда для детей, даже отчасти не являющаяся правдой.

Можно было бы сказать, что почтенный Боши не очень любил свою жену, поскольку первое, что он увидел, поместив в куб секретные реактивы – была безжизненная каменистая пустыня с белесыми пятнами соленых озер. Марена Боши, существуя она в действительности, осталась бы очень недовольна. Но вся правда заключается в том, что Боши вообще не был женат. Более того, он не имел даже собаки и, как гласит уже канонический текст его скромного жизнеописания, вся его жизнь была посвящена изучению темных наук, перевернувших за несколько лет с ног на голову привычный мир землян.

Каким был мир до того заурядного утра тысяча девятьсот пятьдесят второго года, изменившего все и навсегда. Говорят, что странным, но в общем то простым – две сотни грызущих друг друга стран и беднеющие нефтяные запасы. Марена изменила все. Вчерашние нувориши, пузатые министры и секретари мгновенно заняли свои места в новом механизме, закрутившимся мириадами шестеренок. Кителю стянули их жирные тела, из вальжных ртов полился искусственный язык, а в венах забурили деньги, текущие рекой из Марены на Землю через сотни алхимических нор. Еще один мир, девственно богатый и не запоганенный такой ерундой как собственное человечество. Пойди пойми, где он находится, да это и не важно, когда газовые и нефтяные трубы пульсируют, насыщая метрополию.

Я тоже не знал, где нахожусь. Если и в Зеленом доме, то у него чертовски глубокие подвалы. Надо мной висел кирпичный свод, но я видел его лишь мельком, когда меня тащили в полупустую комнату без окон где-то в конце лабиринта коридоров. Я пытался сопротивляться, но чертов паленый ром и та дрянь, которой напичкал меня Кнут позволяли лишь вяло шевелить пальцами. Меня швырнули на стул, прихватили ноги липкой лентой, видимо, чтобы не причинял сюрпризов, и на какое-то время оставили в покое. В углу копошились все те же ищейки за своими зелеными мониторами – что-то высматривали и настраивали все также молча. Я хотел попросить воды, но внезапно отключился. Передо мной поплыли кудрявые волны пламени, превращающиеся в пустом небе в черный дым. Они вырывались из единственного окна и дверного проема нашего с Ким дома. Я пытался броситься вперед, сбить огонь своей курткой, но почему-то у меня не было ни куртки, ни тела. Хрупкий силуэт в огне сидел за столом и разглядывал свои руки. Письма в них превращались в пепел.

Чья-то легкая тонкая рука хлопнула меня по щеке. Горящая Ким превратилась в девушку в черном комбинезоне. С ее тонкой шеи свисал такой же черный шелковый шарф. Собранные в хвост светлые волосы оголяли уши без сережек. Яркая имперская нашивка сияла в свете люминесцентных ламп на груди. Она сидела на стуле, напротив меня, уложив руки на спинку и рассматривала с любопытством как я пытаюсь попросить отпустить меня. Высокий нескладный тип в очках и в форме листал блокнот.

— Забавный. Сколько ему?

Тип перевернул страницу.

— По документам девятнадцать.

Я хотел поправить, но не смог.

— Повреждения есть?

Есть. Еще какие. Я почти не чувствовал ноги и дико болело плечо.

— Его старались не бить. Несколько синяков над видимой линией, один порез – но это еще до нас.

Девушка быстро натянула перчатки, провела резиновой ладонью по моему лицу, тронула скулу и ухо.

— Дай! – она протянула руку и забрала у типа блокнот. Быстрым размашистым почерком набросала что-то наискосок. – Обезболивающее только вот это. Сорбент. Утром что-нибудь тонизирующее с таурином. Насчет скул – пока обойдемся гримом. К одиннадцати он должен выглядеть как ты, ясно?

Тип усмехнулся и вернул себе блокнот.

— Отдыхай, бедняга, — рука в перчатке потрепала меня по волосам.

— Сколько возни с отбросом, — донеслось сквозь расплывающийся в глазах туман и шорох блокнота.

— С бумагой магистра даже крыса – уважаемый член общества. Вбей это в свою бритую башку!

Я почувствовал воду – слишком прохладную, несколько уколов, но не смог открыть глаза. Затем, кажется, меня бросили в кресло, но уже без липкой ленты на ногах. Кто-то ткнул меня

пальцем в середину лба. Хорошо бы та девушка с приятным голосом. Но перчатка оказалась кожаной. А лицо бывшего теперь уже штатского совсем не походило на тонкие черты девочки-медика. На нем был китель на этот раз – стоячий воротник врезался в шею и закрывал ее до самых скул, показывая только острый кадык.

— Ким Сафина – твоя сестра?

Я кивнул. В голове мгновенно прояснилось, хоть и на секунду.

— Хорошо. Послушай меня, недоносок. Наш контракт довольно простой. Ты ведешь себя прилично, как подобает слуге Магистра, три месяца или дольше, если это потребуется Его милости, делаешь то, что тебе скажут, а потом забираешь деньги, свою сестру и уголек от дома на память, и вы едете подальше отсюда. В анклав, или куда вы там хотели?

— Откуда вы?..

— Или получится так, что в том пожаре выжил только ты, со страшными и вечно болящими ожогами – поверь, Лиза умеет не только лечить их, но и искусно наносить. Надеюсь, для калеки найдется местечко на заводе. Протирать табличку с некрологом, например.

Я пытался ощутить злость к этому бледному лицу со стеклянным глазом, но откуда-то выполз страх – липкий и холодный как та лента, которую недавно отодрали от ног.

— Замечательно, — сказал бывший штатский и поднялся, прочитав, видимо, согласие с условиями в моем бесцельно блуждающем взгляде. – Добро пожаловать на службу в корпус Верховного магистра!

3.

С приходом дождей воздух в Пригороде не становится чище. К нему примешивается запах сырости и цветущей плесени – только и всего. Но в Зеленом доме было свежо всегда. Словно невидимая стена отделяла этот мир в три тысячи квадратных метров от города далеко внизу под холмом – сине-серого скопления трущоб, разрезанного кривыми улицами. Казалось, что и дым из далеких труб за рекой полз куда угодно, только не в сторону Зеленого дома.

В короткие промежутки между муштрой и работой можно было выбраться на балкон и вдохнуть странный запах дождя без примеси гари. Поначалу я пытался вернуть подзабытую привычку — отыскать сигареты или выпросить у кого-то из таких же «счастливиц», как я, но те лишь усмехались и бесшумно называли идиотом. Приходилось просто стоять и разглядывать морозящий дождь. Из головы потихоньку выветривался голос главного камердинера со странной фамилией – Жирь.

«Взгляд строго перед собой», — в сотый раз одно и то же, — «Даже когда обращаются. У каждого в руках план его территории. Когда магистр и сопровождение покидают помещение, ответственный приводит его в порядок. Расположение вещей отмечено на карте. Никогда не трогаем книги и личные вещи магистра. На уборку ровно семь минут».

Моя территория – проходной кабинет, и мне повезло. Он состоит из книжных стеллажей под толстым стеклом, к которым даже прикасаться нельзя. Тут никто не задерживается и не успевает нагадить. Наверняка смогут собрать ногами и тяжелые ковровые дорожки, когда магистр наконец явится и создаст настоящую суету, но пока лишь ищейки сновали туда-сюда через кабинет.

«Проверка пепельниц и освещения – первое, что вы должны сделать...»

Когда Жирь говорит, у него раздуваются вены на лбу. За этим можно было бы наблюдать бесконечно, если бы не его постоянные окрики смотреть перед собой.

Я смотрел с балкона на мокрую крышу террасы. В первый выход сюда я не думал ни о чем другом, кроме того, что сказал мне штатский, имя которого я так и не узнал. Думать о том, что он не блефовал, было страшно, а замыслить что-либо против него – еще страшнее. В конце концов тут две сотни имперских охранников и ищейек, которым обычные шныри даже на корм не годятся. Это не кабак на окраине Пригорода, где можно решить проблему ударом в нос, это чертов центр паутины. И жирный паук вот-вот обещает вернуться в свои владения.

Ни дома, ни Ким, ни даже приятеля, который вряд ли в хорошем состоянии сейчас. Серая форма уборщика и клубок невеселых мыслей – все что есть.

Я вцепился пальцами в узкие перила. Да и черт с ним! Злая опасная мысль скользнула в голову. Три метра вниз и десяток шагов до забора. Никто и не заметит, если бежать прямо в форме! Там за забором лабиринт таких трущоб, что меня в жизни не отыскать, если не соваться домой или на завод. Пока имперцы не покинут Пригород, так точно не стоит высовываться. Но бежать нужно сейчас!

— Когда выходишь, не оставляй приоткрытой дверь – это привлекает внимание, — дверь позади меня едва слышно скрипнула. Я отшатнулся от перил. Заметил, как выступили на лбу крупные капли пота. Обернулся и увидел близнецов. Волосы Василики собраны под темно-синей косынкой. Иначе они рассыпались бы по плечам, лопаткам, лицу, оставив только кончик вздернутого носа и ярко-зеленые глаза. Эмиль не оставил таким же рыжим волосам ни единого шанса – его череп искрился медной щетиной. Оба бледные в серой форме уборщиков. Территория Эмиля соседняя с моей – малая проходная. Где работала Василика я точно не знал. На ее лице всегда играла тень серьезной, но снисходительной улыбки, даже когда она «смотрела перед собой» или изучала карту.

— Ты Игнат, верно?

Я кивнул. Убрал руки в карманы.

— Эмиль, — она пощелкала пальцами. Тот закатил глаза и извлек из кармана тонкую пачку женских сигарет. Протянул ее Василике с видом несказанного одолжения. — Ты без пред-
рассудков?

Я с благодарностью принял тонкий валик и получил вместе с ним одобрительную улыбку.

— Разве можно?..

— Если Жирь увидит – будет орать. Но это лучше, чем стоять тут и смотреть на этот кошмар всухомятку.

Эмиль согласно кивнул и оперся на тонкие перила, не замечая крупных капель на них. Типичный мирок близнецов.

— Он не курит, — пояснила Василика. – Носит мою пачку, потому что я бросила полгода назад. Это тебе. Не могу смотреть, как ты мучаешься.

— Кто из вас старше? – задал я идиотский вопрос вместо благодарности за долгожданную сигарету.

Василика пожала плечами и провела пятерней по коротко стриженному затылку брата. Он, поморщившись, скинул ее руку.

— Никогда не проясняли этот вопрос. Так что никто. Но скорее всего мы все-таки не смогли это сделать одновременно.

Я засмеялся и потер пальцами лоб. В последний раз я нормально разговаривал только с Ким, если таковым можно назвать наши перерывы в молчании. Остальное – обмен бредом с Кнотом и мой растерянный взгляд в ответ на условия штатского.

— Откуда ты тут? – спросила Василика.

Я хотел отмахнуться в ответ, но почему-то рассказал про письмо. И про то, как приперся с ним на площадь в день приезда свиты.

— А вы?

Василика поправила воротник и указала на мою сигарету. Крупная капля упала на белый валик и зашипела. Я тихо ругнулся.

— Заявка на службу сразу после совершеннолетия в четырнадцать. И еще четыре года ждали ответ. Без бонусов не обошлось, иначе ждали бы еще лет пятьдесят. Нет, не взятка, не подумай. И я не спала с начальником охраны, — Василика облокотилась на перила и приняла такую же позу, как брат – словно его женская копия. – У нас были небольшие преимущества. Эмиль буддист, и потому его легко пускают в эфиропорт, а значит, на службе проблем меньше. А я слепая как крот. Что тоже иногда требуется на службе.

Я аккуратно провел ладонью перед ее лицом. Василика улыбнулась и свободной рукой поймала мои пальцы.

— Эй, ты же меня видишь!

— Инфракрасную часть спектра и еще несколько волн совсем не из радуги — только и всего. Мы родились в Шатках, где неподалеку Управление проводило свои засекреченные якобы опыты с гальваническими кубами, когда мама ходила пузатой. Мне еще повезло.

Я слышал об этом, но всегда считал бреднями болтунов вроде Кнута. Да и Шатки... Забытый городок между Пригородом и анклавом. Слишком далеко, чтобы быть правдой.

— По крайней мере ты видишь хоть что-то.

— По крайней мере, я не полная дура, в отличие от тебя, — она забрала мой окурочек и затушила о крупную каплю на перилах, убрала его в карман. Ее зеленые глаза смотрели прямо на меня и мимо меня. – Задумал сбежать?

— Нет, я...

— Притом, что лучшего шанса чем сейчас найти сестру у тебя просто нет и не будет никогда. Я не знаю, что там у вас за отношения, может ненавидите друг друга и пытаетесь тихонько отравить, как мы с Эмилем, но если ты действительно хочешь ее найти, то выкинь

дурь насчет побега из своей головы. И не надо на меня гневно смотреть, я все равно этого не различаю.

Не придумал ничего умнее, чем пробормотать извинения. Василика махнула рукой в сторону забора.

— Она там, верно? Пропала в день, когда каким-то чудом заполучила для тебя письмо, что уже плохо тянет на совпадение. А теперь подумай, много ли шансов отыскать ее в двух-миллионных трущобах без жилья и денег, где каждый постовой будет рад сломать тебе нос и доставить имперцам. Или все же проще сделать это имея неприкосновенность магистерского лакея и пусть и незаконный, но возможный доступ к Сетке, где зарегистрирован каждый вшивый затылок этого города? Подумай!

Она мгновение смотрела на меня со злостью, а потом вдруг улыбнулась.

— Ты – мой здравый смысл, верно? – спросил я.

— И инстинкт самосохранения. В тебе будет порядка семидесяти пулевых дырок, прежде чем твои ноги коснутся крыши.

— К чему такая забота? Может, семьдесят пуль – то, что мне сейчас нужно?

— Говоришь как капризный подросток, — она поморщилась. – Я тут появилась раньше, чем ты и немного вижу, что к чему, хотя в моем случае «вижу» — громко сказано, — она усмехнулась. – Но вчера-таки уболтала одного идиота вроде тебя не перечить Ильдару и не смотреть ему в глаза. Сегодня вот еще одного придурка пытаюсь спасти от сомнительных идей. На этой неделе коридоры – моя территория ответственности, и если произойдет что-то неприятное, то тебе, начиненному свинцом, до лампочки, а страдать буду я. И Эмиль...

— Кто такой Ильдар?

— Правая рука Магистра. Но тебе лучше не пересекаться с ним, поверь мне. Это второй совет. А третий – будь хорошим мальчиком и служи Магистру как следует. Хорошая служба – гарантия того, что ты будешь незаметным, а колоссу плевать на то, что творится под его ногами, если их не кусают. Со временем станешь незаметным, как шнурок в ботинке, и тогда смело можешь продолжать поиски сестры или искать честный способ слинять отсюда, да даже пропуск в анклав получить, если повезет.

— Ты так и делаешь, верно?

— Это не имеет значения. Важно одно – понял ты меня или нет.

Я покачал головой. Возможно, она заметила это, улыбнулась снова.

— Ты говоришь много, страшно, но разумно. А что за Сетка такая?

Эмиль толкнул ее в бок и постучал пальцем по своим губам.

— Да ладно тебе. За это не убивают. Я познакомлю тебя с одним человеком. А теперь придай себе раболопный вид и поправь воротник. Наша смена через три минуты.

«...Директивой четыреста сорок межгосударственный совет по делам колонии ввел дополнительный лимит на добычу металлов платиновой группы. Этой же директивой увеличены квоты на добычу редкоземельных элементов и углеводородов. Ожидается, что к концу квартала...».

«Новые выступления экстремистов церкви пятидесятников. Сегодня мирная демонстрация противников эфирных перемещений возле главного эфиропорта Мельбурна была нарушена дерзкой выходкой представителей радикального крыла Церкви веры евангельской. Экстремисты, переодетившись активистами экологической партии, проникли в ряды демонстрантов и попытались закидать здание эфиропорта бутылками с зажигательной смесью. Нарушители выкрикивали антиимперские лозунги, сжигали портреты почтенного Антона Боши и пытались разрисовать территорию перед ограждением изображениями крестов. Полиции

вовремя удалось пресечь действия нарушителей, и никто во время гальванического перемещения не пострадал. Не установлена прямая связь действий экстремистов с повстанческой группой Свидетелей Ада, однако, в дальнейшем власти намерены...».

Приглушенный телевизор не замолкал и включался, едва я входил в бетонную коробку, выделенную мне под жилье. Вдоль узкого коридора таких дверей было дюжины две, ведущих в комнаты ничуть не лучше моей. Только кровать и стул на наспех постеленном на пол квадрате линолеума и никакого окна. Серые шершавые стены и такой же потолок. В него можно всматриваться бесконечно, пока не уснешь. Лишь первый день комната казалась тюрьмой, пока я не сообразил, что двери не запираются. Впрочем, дальше первого поста вряд ли куда-то убежишь, а он в десяти шагах от моего логова. Но хотелось признавать, но Василика была права – даже тут в бетонном гробу под бдительной охраной мои шансы найти сестру куда выше, чем за пределами Зеленого дома.

От невеселых мыслей меня спас стук в дверь, вполне уверенный, хоть и тихий. Не дожидаясь ответа, в проем протиснулась рыжая голова.

— Не молчи, я все равно тебя вижу, хоть и хреново, — она проскользнула внутрь и прикрыла за собой дверь. — Собирайся!

Моя куртка смятым комком перелетела через комнату и ударилась мне в грудь. Василика села на освободившийся стул, положив подбородок на высокую спинку и теперь рассматривала свои пальцы. Наверное, для нее они были не более чем десятком бледно-розовых пятен.

— Куда? – спросил я.

— Ты же всерьез не рассчитывал проторчать тут весь этот кусок своей молодости, который посвятил чистке ковров магистра? Идем, познакомлю тебя кое с кем, — она подошла ко мне и наощупь поправила воротник куртки. — Не бойся, будет весело, хотя, возможно, что тебя и побьют. Но не сильно. Ты же знаешь, синяки тут ненавидят, особенно Жирь. А психопатка Лиза и вовсе бесится, когда ее вызывают их лечить.

— Звучит заманчиво, — сказал я, но сарказма Василика не поняла и потащила меня за рукав в сторону коридора.

Зеленый дом – настоящий лабиринт. Дворец с широкими залами и просторными коридорами наверху, полы в которых нужно бесконечно начищать, и целая сеть муравьиных ходов, ведущая все глубже вниз. Туннели, проходы, двери, за которыми слышалась суэта и приглушенный бубнеж телевизоров. Все залито желтым светом мерцающих ламп, нестерпимо гудящих. Ни одного поста, только неподвижные глаза камер и равнодушные лица встречающихся на пути охранников.

У старого сломанного холодильника торчала троица с утренней смены. Один из них, что повыше, поманил Василику рукой. Меня вроде бы как игнорировали, но я увязался следом. В руках патлатого, выкрашенного в зеленый виднелась пачка фотографий. Я бросил взгляд на мятый глянец. На одном черно белые брызги, фонтаном разлетающиеся от белой, как кость, челюсти в кадр. Смазанный кулак вылетает из широкой манжеты. На другом его владелец, утирающий тем же кулаком пот со лба. Синяя вязь вокруг шеи на месте, кольцо в ухе, чудом не порванном, тоже. Камиль, начальник охраны, как пояснил патлатый, и теперь я знал его в лицо. Но оказалось, что с ним я виделся и раньше в пламени догорающего дома, поверх осколка торчащей из штанины Кнута розовой кости. Тут уже не в штатском, но и не в кителе. Серьга в ухе была на месте.

Подпольный ринг я узнал сразу. Конкурент Ленивого Равиля с кличкой Отец Сухарь. Опухоль жрала его не первый год, но никак не могла переварить сухие жилы и ядовитые мозги. Его похожая на сухой гриб голова торчала из дорогого костюма на следующем снимке, а рука в сантиметре от плеча Камилы – решил похлопать победителя. Я надеялся, что на фотографии под ней кулак начальника охраны снесет сморщенную голову Сухаря с шеи, но нет – там удаляющийся с ринга Камиль, потирающий скулу запястьем. Он смотрел прямо в камеру.

— Ему можно участвовать в этом? – спросил я.

— Думаю, ему все равно, — ответил патлатый не поднимая головы.

Василика торопливо полистала фотографии и вернула компании.

— Видела?

— Ага. Ваши теплые отпечатки на бумаге.

— Черт, прости! – он торопливо погладил Василику по спине. – Тут у нас пособие, как выпускать пар. Наш командир Камиль выбивает дурь из местных работяг на ринге.

— Он не наш командир, — сухо сказала Василика. – Вы идете к Пловцу?

Троица отмахнулась и вернулась к снимкам. Василика потянула меня за рукав, а я все еще смотрел на взгляд, направленный прямо в объектив. Вязь на «яна имле» складывалась в непонятное «пустая лодка».

Мы повернули бесчисленное количество раз, прежде чем я понял, что без посторонней помощи вряд ли выберусь назад. Узкий коридор был освещен у лестницы, а его конец терялся в глубокой темноте. На размытой линии полумрака виднелась дверь с пульсирующей неоновой табличкой на непонятном языке. Чуть дальше в темноту пустая коробочка и крючок, на котором болтался желтый дождевик.

— Где мы?

— Там, где история лежит пластами. До Зеленого дома тут было что-то другое, а до него еще – куда более секретное. Фасад менялся, подвалы оставались. Часть прибрала охрана под свои нужды, но не все, хотя и развесели камеры на каждом повороте. И все же, тут наша территория, Игнат. Территория слуг. И к тому же я обещала познакомить тебя кое с кем.

Василика толкнула дверь. На ней на мгновение мелькнула комната, залитая розовым светом. Я успел заметить сутулую фигуру, склонившуюся над экраном ординатора, батарею разноцветных бутылок на захлапленном столе, довольно анархический надорванный плакат и прервавшие разговор лица, устремленные в сторону двери. Не меньше дюжины парней и девушек, половины из которых я не знал, мелькнули и снова скрылись за полотном двери.

— Ну, ты идешь? Кажется, ты хотел узнать, что такое Сетка. Никто не знает этого лучше, чем Пловец.

— Да, дай мне минуту.

Василика пожалала плечами и шагнула за дверь, растворившись в шуме и приветственных криках. Кивнув закрывшейся двери, я повернулся к темноте. Дождевик все еще был там – значит не призрак, вроде того силуэта в переулке в день, когда сожгли мой дом.

Подойдя ближе, я коснулся его ладонью. Влажный, не просохший после дождя. Точно такой же как у Ким, но все чертовы дождевики одинаковые, в них даже карманов нет. Я пошуршал холодным целлофаном, поискал хоть какие-то признаки того, что это не просто совпадение. Без шелеста я обнаружил бы раньше, что в темноте коридора кто-то стоит и пытается быть незаметным. Но когда он шагнул из темноты и по какому-то скверному совпадению моргнула и погасла единственная лампа, я ощутил упершийся в ребро острый предмет. Кричать и звать на помощь не лучшая идея, хотя до двери и спасения шагов пять.

— Не шевелись, и я не причиню тебе вреда, — голос был странным, глухим, словно доносился со дна колодца, а не шептал мне почти прямо на ухо. – Ты Игнат, верно?

Я аккуратно кивнул. Острый предмет проткнул ткань куртки и впился в кожу. Не до крови, скорее всего, но теперь острым шипом царапал кожу и убеждал не делать резких движений. В почти полной темноте, лишь слегка разбавляемой тусклыми отголосками света, сочащимися с пролета лестницы и выбивающимися из-под двери, я пытался ухватить в поле зрения разговаривавшего со мной, но глаза еще не привыкли к густому сумраку.

— Я тебе не враг. У меня только просьба, не больше. Если откажешься, я тебя не убью. согласишься – я тоже тебя отпущу, но пользы в этом будет больше.

— У меня нет денег, — тихо прохрипел я.

— К черту твои деньги! У тебя есть мозги и желание найти сестру. У меня – свои интересы, о которых тебе знать не нужно. Завтра твой сектор – библиотека, верно?

Снова кивнул. Разговор казался нереальным. Потухшая лампа под потолком светилась бледным диодным призраком. Вместо темного пятна стало различимо плечо говорящего, широкий рукав. Красные угловатые зигзаги ни с чем не перепутать, хотя они казались черными. Видел однажды такие у одного типа в баре.

— Незаметно бросишь это в урну у двери. Просто листок бумаги, не более, — что-то шуршащее скользнуло ко мне в карман. – Никто не пострадает и ничего страшного не случится. Просто кусок бумаги в корзину, но незаметно. И тогда уже завтра ты выберешься отсюда, а послезавтра получишь кое-какую информацию про сестру. Да или нет?

Не тот вопрос, для которого не нужны раздумья. Но я кивнул снова.

— Никто не умрет, обещаю.

Игла под ребром исчезла, с почти неслышимым шорохом растворилась в темноте тень. Я некоторое время стоял, пытаясь осознать то, что случилось. Одно ясно точно – я жив, хотя и выбит из колеи странной просьбой незнакомца, подкрепленной острием в ребре.

Дверь распахнулась, ослепив меня хлынувшим светом.

-Эй, кто тут? Василика, этот тип с тобой?

Воздержавшись от диалога, я подбежал и сунул ногу в проем двери, несмотря на слабый протест уставившегося на меня очкарика в толстом свитере. От него несло пивом и духами Василики. Торопливо выудив из кармана шуршащий комок, я развернул его и всмотрелся в шершавую бумагу. Чистая с одной стороны, на другой кусок текста на новой латыни, будто вырвали из газеты. И ничего больше. Ни пузырька с ядом, ни динамитной шашки, ни даже миниатюрного микрофона. Просто дурацкий клочок бумаги.

— Игнат? – Василика показалась в дверях, но я уже торопливо шагал по коридору, надеясь выбраться оттуда самостоятельно.

Где-то между «территорией слуг» и чистотой паркетов я остановился, присел на ящик и снова развернул бумагу, на этот раз под желтой лампой, освещавшей коридор. Все еще ничего подозрительного и опасного. Если это не часть какой-то более сложной схемы, которую мне не понять. Но тот голос обещал информацию о Ким... За сущий пустяк. О котором вряд ли кто-то узнает, если это не очередной тест от службы безопасности. Хотя, вряд ли. Я понимал, что мне, скорее всего, заломили бы руки уже в тот момент, когда я кивнул, соглашаясь на авантюру. Информация о Ким... И исчезнуть отсюда...

Я поднялся, почувствовал, как кольнуло в бок. Видимо все же порез, хоть и небольшой. Сунул в карман кусок чертовой бумаги и побрел наверх, уже не так торопливо.

В холле было светло – горели электрические лампы, отчего сумрак за окнами становился непроницаемо-черным. Дежурный мгновенно поднялся со стула под стеной из корешков толстых книг и направился ко мне, шурша подошвами по толстому ковру. Он вытянул ладонь, требуя оставаться на месте. Гаяз – кажется, так его звали. Прихвостень Жирия, претендующий на его должность, когда шеф уйдет в коменданты Зеленого дома. Выкрашенные в рыжий виски и перешитая пуговица под кадыком – золоченая, с каким-то дурацким вензелем. На его плоском лице читалось раздражение.

— Мне нужно увидеть магистра, — сказал я.

— Тебе нужно убрать свою тощую тушу обратно в подвал, недоносок, — заверил Гаяз. – Он посмотрел под ноги на изумрудный ковер и проглотил заготовленную слюну.

Такие, как мой отец, обходили «гаязов» стороной, сохраняя ледяное спокойствие и достоинство, такие, как я, должны были превращать в лепешку их носы после первого косога взгляда, но я не умел ни того ни другого. Только замереть и злиться, и ждать чудесного появления Кнута, что было совсем невероятно.

— Мне нужен магистр, — повторил я.

— Начальник смены сегодня я, и не совсем понимаю, что ты здесь делаешь. Ты стоишь и несешь какую-то чушь, вместо того чтобы обратиться к себе в конуру.

— В Доме посторонний. В форме Управления и он просил меня...

Гаяз замер и поднял руку, веля мне замолчать.

— Посторонний...

Он достал из кармана блокнот, похлопал пальцы и перевернув страницу, близоруко сощурился.

— Дежурный по коридорам сегодня... Черт! – он поднял рацию к пухлым губам. – Закир, притащи эту засранку сюда. Ты знаешь, о ком я.

Возможно, и стоило рассказать все ему, но, когда в холл втокнули Василику, я резко передумал. Она упала на ковер, едва не зацепив лицом тонкий железный плинтус.

— Вставай! – Гаяз мгновенно оказался рядом с ней, схватил короткими пальцами за шею, пытая от усердия, направил ей в лицо фонарь, щелкнув на нем рычажком. Василика вскрикнула и зажмурила глаза.

— Открой! В этом свете ты видишь, да? Открой, пока я тебе их не выжег!

Он все еще говорил, когда я наотмашь заехал по его плоской и почему-то мокрой роже. Фонарь отлетел в сторону.

Я влез между ним и Василикой, пытавшейся отползти к стене. С этим уродом драться будет непросто...

Но Гаяз только усмехнулся. Он был без оружия, зато с рацией, в которую плеснул пару слов и направился на свое место в предвкушении интересной сцены. Шум на лестнице справа и топот ног над мной, сотрясающий балки послышались мгновенно. Охрана. Я сжал и разжал ладони. Нужно было просто кинуть в урну чертов листок!

Не просто пара бойцов. Офицер охраны с ними и рука на кобуре. Я узнал его – острый нос и родинка на подбородке. Только теперь не в штатском, и не покрытый брызгами крови, как на ринге, а в белом кителе с такими же белыми погонами. Воротник расстегнут, но вряд ли кто-то заметит эту оплошность. И зеленые очки, совсем не к месту. Камиль, тот кто руководит всем этим слаженным роем вооруженных людей, и тот, кто легко превратил в пепел мой дом, а кости кнута в острые обломки. Черт! Чем бы не был листок в кармане, я очень хотел, чтобы он проявил себя. Взорвался, например, или стал увесистым кастетом. Хотя, толку то от последнего, все равно я не умею бить людей.

Двери слева открылись в тот же миг, когда Камиль замер в паре шагов от меня, уже достав револьвер и перехватив его за ствол. Видимо, мне предстояло познакомиться с ударом тяжелой обитой кожей рукояти. Но Камиль смотрел уже не на меня. Он слегка наклонил голову, коснувшись подбородком полурасстегнутой стоечки белого воротника. Остальные мгновенно убрали оружие и вытянулись, опустив взгляд.

— В это время главный зал должен быть пуст, Камиль. Вы нарушаете распорядок. Объяснитесь.

Тихий голос за моей спиной казался одновременно усталым и непроницаемо ледяным. Я осторожно повернул голову, понимая, что открываю висок для прямого удара. Но никто не пошевелился. Магистр смотрел на меня и сквозь меня на своих людей. За стеклами очков, отражающих свет ярких ламп, было почти не видно его глаз. Он был стар, невесом и бесшумен, но каким-то чудом заполнял пустоту целого дома. Я невольно опустил голову, последовав примеру офицера Камилля и его бойцов.

— Кто вы? — спросил он, обращаясь ко мне.

Я едва разлепил сухие губы.

— Покушение. На вас готовится покушение, магистр.

Ни тени улыбки или презрительного вздоха. Только внимание.

— И вам известно о нем? Или вы сами исполнитель?

— Позвольте я разберусь с этим, — сказал Камиль, возвращая револьвер в кобуру. В оружии теперь не было надобности.

— Нет не позволю. Думаю, что с таким забавным, хоть и нелепым делом я способен справиться сам. Очистите зал, пусть тут не будет никого, как и должно быть в эту минуту. Камиль, последите за этим.

Магистр направился к двери, из которой пару минут назад появилась охрана и позвал меня. Едва передвигая ватные ноги, я отправился за ним, бросил взгляд на Василику. Не понимая, что происходит, та сидела у стены, обняв колени.

Кабинет магистра я видел лишь однажды через плохо прикрытые полуденной сменой двери. Комната, полная благородного дерева, ковров и замши, малахита и яшмы. Одну стену за высокой спинкой кресла полностью занимал стеллаж. Потертые тусклые корешки бесчисленных томов крали и без того скудный свет, с трудом пробивающийся сквозь задернутую штору.

— Зайди и закрой дверь! – велел магистр.

Он терпеливо ждал, пока я справлюсь с словно из чугуна сделанными половинками двери, которые никак не хотели сходить. Затем отдернул штору. Бурые пятна заката сочились сквозь стекло угольками погасшего костра. Я не сразу понял, зачем он подозвал меня к окну. На мгновение мелькнула мысль, что его сухая рука сейчас схватит меня за воротник и вышвырнет отсюда вниз, а крупные осколки с каплями крови полетят вслед за мной.

Магистр и правда открыл окно. Оно распахнулось внутрь вместе с фальшивым закатом и крышами бараков, разрезав пригород на две ровные части. За ним обнаружилась маленькая комната с обоями, плохо различимыми в полумраке. Тенью застыла в углу маленькая кровать. В окне болталась занавеска, ветер шевелил ее, то открывая, то закрывая вид на внутренний двор. Магистр присел за шаткий стол, повесил китель на спинку плетеного кресла. Ординатор ожил и вспыхнул приглушенным экраном. В очках магистра отразились синие и красные строчки.

— Объясни еще раз. Только начни не с середины, будь добр.

Повторяя все слово за словом, я вдруг понял, что звучит не слишком правдоподобно. Похоже на плохо выдуманную сказку с покушением и чудесным спасением, цель которой лишь одна – привлечь внимание магистра. Я ожидал, что после рассказа, тот не произнесет ни слова и дождетя, пока придет охрана. Магистр и правда молчал. Он не смотрел на меня – только в монитор. Мертвенные пятна света выделяли его лицо из полумрака гипсовой маской.

— Думаю, это была диверсия, — закончил я, — если не покушение.

— И ты так решил, потому что...

— Человек, передавший мне устройство, был в форме Управления.

Магистр снял очки и устало потер глаза ладонями.

— Ну, а почему бы тут не быть сотрудникам Управления? Это не Магистрат и не мой личный дом. Это правительственное здание, и вход сюда не закрыт, если у тебя есть пропуск, разумеется.

Он говорил тихо и обманчиво снисходительно, словно с ребенком, который должен сам признать свою вину перед неизбежным наказанием.

— Я не о том, — сказал я, чувствуя, как пересыхает в горле. Человек передо мной не скупающий администратор какого-нибудь завода и не мудрый дедушка. Сколько ему лет вообще? Я бросил взгляд на его бледное усталое, на усеивающие пальцы тяжелые перстни. Просто шелчком он способен превратить меня в пыль, которую завтра выметет утренняя смена. Но пока он смотрел в экран ординатора, а не на меня, я почему-то чувствовал себя в безопасности. – Серебряная окантовка петлиц. Я не видел аксельбантов и прочей мишуры на его кителе, но петли рассмотрел хорошо. Каким бы придурком не был лакей из управления, сомневаюсь, что

у него был повод расхаживать в парадной форме. Тем более тут. Он не был гвардейцем управления.

— А кем же он был?

Я вдруг понял, что теперь магистр смотрит на меня сквозь толстые очки. Но голос его оставался притворно мягким.

— Я... Я не знаю.

Повисла пауза, наполненная умиротворенными звуками вечера. Ветер шевелил занавеску на окне.

Магистр коснулся слегка подсвеченных клавиш, его перстни шумно стукнулись друг о друга. По матовому экрану зашевелили зеленые строчки.

— Игнат Сафин, верно?

Я кивнул. Магистр краем глаза смотрел на мое досье – я так понимал, что именно оно отражалось в линзах его очков. Читал он неторопливо. Словно его совсем не интересовало, что в паре метров от нас может мерцать, отсчитывая секунды, маленькая, но смертоносная бомба. Говорят, что магистры бессмертны. Но не настолько же! Я смерил взглядом расстояние до спасительного окна.

— Расскажи Игнат, как ты попал сюда. Я очень редко приглашаю местных жителей для работы в Доме. Ты подделал письмо? Купил его на черном рынке?

— Я здесь, потому что этого хотела моя сестра. Она достала письмо.

— И где же?

— Я не знаю.

— Она купила его у фальшивомонетчиков?

— Она никогда не стала бы этого делать!

Я понял, что повышаю голос. Но магистр, казалось, не заметил этого. Он поправил очки и снова застыл. Он казался мне притаившимся в углу темной комнаты пауком. Здоровенным и очень старым пауком, но не растерявшим ловкости.

— Ваши люди сожгли мой дом, — добавил я, словно оправдываясь за свое раздражение.

— Ты нарушил контракт.

Я промолчал.

— Камиль не отличается человеколюбием, только педантичностью. Потому он глава безопасности, а не кто-то вроде тебя. И ему хватило уважения к своей работе, чтобы восстановить порядок – ты в Корпусе магистра, в службе чистоты и сервиса, а не в выгребной яме. Что ты делаешь здесь, Игнат?

Я попытался ответить так же глупо на показавшийся странным вопрос, но магистр жестом остановил меня.

— Я не спрашиваю, как ты сюда попал. Это очевидно – каким-то образом мое письмо с моей же подписью попало в твои руки. Но ты мог попытаться исчезнуть отсюда с той же легкостью, с которой уже однажды нарушил контракт. В конце концов ты мог просто промолчать и не сообщать о диверсии, верно? Моя смерть – лучшее избавление от обязательств. Поэтому спрошу еще раз: что ты делаешь здесь?

— Я пытаюсь найти сестру.

Магистр кивнул и резко встал из-за стола. Ножки стула со скрипом царапнули сухие доски.

— Вот это уже похоже на правду. Но я слышал, что в Пригороде, как вы называете его, люди пропадают часто, и найти их в этом муравейнике – кажется, так вы говорите тоже – почти невозможно. Почему ты думаешь, что получится у тебя?

— Я этого не знаю.

— Третье «не знаю» за наш короткий разговор, — магистр выудил из-за шторы графин и наполнил стакан. – Держи.

Я принялся – обычная вода. Сделал глоток, понимая, что, возможно, делаю ошибку. Пить не хотелось вовсе, хотелось поскорее исчезнуть отсюда и забиться в свою бетонную келью под Домом.

— Твои родители не были рабочими, так? – спросил магистр.

— Инженеры. Всегда говорили, что прибыли в Пригород в поисках больших возможностей, будто они тут есть. Не слишком хорошо помню их, только то, как безмятежно они улыбались и делали вид, что все хорошо. Когда оказалось, что лучшее на что они могут претендовать – наладчики в машинном зале. Но быстро выяснилось, что место одно и маме пришлось идти в столовую мыть грязные лохани. Это их не пугало нисколько. И когда выяснилось, что места в школе мне нет, как и другого жилья, кроме засаленного полуподвала. И когда отцу оторвало два пальца при поломке компрессора, а медсестра – шлюха мастера не смогла их нормально пришить. Улыбались как два придурка и доставали где-то эти дурацкие книги, таскали нас на такие же дурацкие фильмы вместо того, чтобы нормально пожрать..., — я осекся, взглянул на стакан.

Магистр пристально смотрел на меня, видимо ожидая продолжения рассказа, но я замолк.

— Ты учился? – спросил он.

— Только тому, что каждый вечер пихали в мою башку родители, — из глубин памяти всплыла забинтованная рука отца, терпеливо водящая по строчкам книги, когда я пытался читать. Но я следил лишь за тем, как расплывается на грязном бинте красное пятно и сбивался. Наконец рука замерла, оставив на шершавой бумаге бурый след.

— Хорошо.

— Сестра была старше и лучше помнит их, наверное, — зачем-то продолжил я. — Впитала всю эту интеллигентную муть из их вечно кивающих голов с идиотскими улыбками. Да и саму улыбку тоже...

Я замолчал. Магистр молчал тоже. Его профиль отражался в зеркале в полумраке комнаты. И на секунду мне показалось, что его отражение живет своей жизнью, слегка запаздывая за движениями своего хозяина или опережая их. Я просто очень устал. От внезапной вспышки ярости внутри осталась только неприятная пустота и тошнота. Болели пальцы. Ногти на службе в Корпусе приходилось состригать аккуратнее и короче, но они все равно ухитрились вонзиться в ладони.

— Вы забыли про это, — сказал я и протянул скомканный кусок бумаги.

— Ах, да, — магистр забрал у меня комок, распрямил и усмехнулся. Затем, порвав на мелкие клочки, отправил его в урну. Ни взрыва, ни искр. Ни даже дымящегося облачка неизвестного яда. Я смотрел на урну не отрываясь.

— Чернила с примесью сильного седативного вещества, замедляющего реакцию. Испаряются медленно и не имеют запаха. Не опасно, но кому-то нужно было, чтобы охрана в зале завтра действовала чуть менее проворно. Обычные вещи, не бери в голову. К такому со временем привыкаешь.

— И вы оставите это здесь? Я могу убрать...

— Я сам разберусь с этим, а ты больше не будешь работать в службе чистоты и сервиса, — сказал магистр.

Не поняв сразу, чувствую я облегчение или растерянность, я только коротко кивнул, но вдруг вспомнил, что другого дома, кроме Зеленого дома, у меня больше нет.

— Спасибо вам. Но мне некуда идти.

— Ты не понял, Игнат. Теперь ты не будешь следить за чистотой половиков и книжных полок. Ты будешь работать непосредственно на меня.

Он издевался, это же понятно. Я был наслышан, что Магистр – не самый добрый человек в империи. Скорее наоборот.

— Не понимаю, — согласился я.

— Ты будешь на новой должности и в новом статусе. Из плюсов – сменишь дурацкий костюм прислуги на то, что захочешь сам. Из минусов – тебя могут убить. Но от этого не застрахован никто, даже я. Ты будешь Дознавателем Корпуса, но привыкай к тому, что иначе как ищейкой магистра тебя никто называть не будет.

Я заметил, что он ни разу не спросил моего согласия. Словно это назначение – его личная воля и свершившийся факт. Впрочем, так, скорее всего, и было. Но осознать все это и понять, что он все же не издевается надо мной было непросто. Не сразу, нужно время на это.

— Почему я?

— А не Камиль? Мне не хватало еще известного на каждом углу начальника моей охраны, шастающего по городу, где каждый первый будет его избегать, а каждый второй – пытаться подстроить засаду и убить. Ты вырос в этих трущобах и знаешь их куда лучше, чем каждый мой шпион. Это пока все, что тебе нужно знать.

— Но я даже не знаю, что мне делать!

Магистр усмехнулся. Я впервые увидел такое выражение его лица. Оно казалось вполне естественным.

— Да, ты прав. Мне нужно сказать сразу, что от тебя требуется. Хотя я заметил, что это четвертое «не знаю» за вечер, — он откинул в сторону занавеску и теперь за окном было видно, как полыхает тусклым неоном город, а его огни складываются в огромное созвездие – единственное, которое видно здесь. – Когда я направлялся сюда из столицы – а это не такой спешный и легкий процесс, как ты думаешь, со мной следовал мой помощник. Он отставал на несколько часов, почти на сутки и, как ты, наверное, догадался, он исчез. Известно только, что он прибыл в Пригород, чтобы какое-то время провести в нем по своим и моим делам. В назначенное время в Дом он не прибыл.

Я пожал плечами, не решаясь задать вопрос.

— Что-то кажется тебе странным?

— Нет, просто... Пригород довольно своеобразное место и вовсе не такая дыра, как думают о нем в анклав. Наверное, думают так, — осторожно добавил я. – Город затягивает как болото. Под внешним слоем сажи и копоти есть и другие уровни от дорогих и дешевых опиумных до неоновых борделей, игровых и бойцовских клубов, даже крысиные скачки. Я уже молчу про те закрытые собрания, где собираются мутные личности и занимаются непонятно чем. Я про то, что вашему помощнику есть чем заняться в Пригороде, если конечно он при деньгах и может отбиться от местных шаек.

Магистр понимающе кивнул.

— Да, он при деньгах и может постоять за себя, но я не думаю, что он..., — магистр на мгновение задумался, затем легонько стукнул ладонью по спинке стула. Перстни гулко звякнули по сухому дереву. – Хотя, наверное, ты прав. Найди мне его. Найди и приведи сюда!

Мысли бешеным табуном пронеслись в мозгах и скорее всего пыль от них заволочла мои глаза изнутри. Я почувствовал, что мои руки трясутся, а ладони предательски потеют и спрятали их за спину.

— Ваша милость, Пригород – огромное поселение, настоящий лабиринт и я не смогу...

— Ты же не думаешь, что это была просьба, верно? – предательски спокойно спросил магистр, снимая очки.

— Я лишь про то, — торопливо добавил я, едва в голове всплыл образ трескучего пламени, жадно пожирающего остатки дома, — что не смогу сделать это быстро и один. По крайней мере очень сложно найти в Пригороде человека... одному.

— Значит, завтра утром ты скажешь Камиллю или Жирю, кто пойдет с тобой и на кого следует выписать пропуск. А теперь иди! Я хочу отдохнуть.

Обратный путь казался мне нереальным и слишком долгим, даже для такого улья, как Зеленый дом. Короткий разговор, казавшийся бесконечным в моей голове, прокручивался снова и снова, каждый раз упираясь в неразрешимый вопрос – как избежать этой чести, стать личной ищейкой магистра? И снова раз за разом ответом на вопрос было возникающее в памяти лицо Ким, мокрое от дождя и слез, обрамленное желтым капюшоном. Василика была права. Сбежать сложно и опасно, но и настолько же глупо. Если я хотел увидеть лицо сестры снова вживую, можно ли продумать возможность лучше? Ищейка? Кнут выбил бы мне зубы только за разговоры об этом. И тому, кто назовет меня так, тоже. Я попытался уснуть, ухватившись за краешек мысли о том, что предложение магистра – это только открытая дверь, возможность отыскать Ким, не более. А потом... Я снова подумал о Ким, но засыпая, увидел перед собой почему-то лицо Василики.

Василика смотрела на меня как на болвана, полуоткрыв дверь своей бетонной коробки и прижимая к груди скомканную простыню. На ее худеньком лице с огромными глазами читалась сонная задумчивость.

— Я вижу только красный силуэт, — напомнила она. — Если не представишься, ударю наугад.

— Да, прости. Это Игнат. Ты поедешь со мной в город сегодня...

— Это утверждение или вопрос? Или план побега?

— Все, кроме последнего. По крайней мере пока.

Василика пожала узкими плечами и скрылась в своей келье, оставив дверь приоткрытой.

— Значит передумал. Что ж, рада за тебя, что сделал правильный выбор. А теперь, если ты все еще в дверях, отвернись. Мне нужно одеться. Это я слепая, а не ты.

— Да, прости, — я прижался спиной к двери. Надо мной мерцал огонек камеры наблюдения. На каком-то из экранов в глубине Дома я отражался на синем мониторе тощей фигурой в безразмерной куртке с идиотским выражением на лице.

— Я просто хочу забрать тебя отсюда, пока до тебя не добрался Гаяз и его прихвостни. Или все уже забыто?

Василика усмехнулась.

— Прибыть в четырнадцать ноль пять к начальнику смены для отбытия наказания – вот мое предписание на сегодня. Тут никогда ничего не забывают.

Я повертел в кармане значок ищейки, то есть Дознавателя Корпуса.

— Ты бросил меня одну вчера, — напомнила Василика.

— Да, извини. Просто кое-что произошло.

— Всегда что-то происходит. Но ты спас меня от этого придурка Гаяза. Ненадолго, конечно. Есть четкие инструкции, и я должна была дежурить в коридорах внизу. Но я надеялась, что все будет как обычно – то есть ничего. Мне очень не везет на этой неделе, Игнат. Будь настороже, может это заразно.

— Что теперь с тобой будет?

— Выпорют и выкинут из Зеленого дома, только и всего. Хорошо, что я не увижу пускающей слюни рожи Гаяза. Хотя, если узнают, что я из Шаток...

Она замолчала. Я тоже.

— Зачем тебе в город? – донеслось из-за двери.

— Ты не поверишь мне, даже если я буду очень убедителен.

— Давай, испытай меня.

Коротко, не слишком веря в собственные слова, я пересказал вчерашний разговор с магистром, добавив опасения, что вряд ли из этой затеи что-нибудь путное выйдет, но по крайней

мере не придется дышать пылью пустых комнат какое-то время. Пока магистр не поймет, что он ошибся насчет меня.

Ответом мне была тишина.

— Эй, Василика! Ты слушала меня? Ты вообще здесь?

Я легонько толкнул дверь. Комната как комната, даже чуть меньше моей. Только вещи разложены на матрасе, аккуратно, будто пыточные инструменты. Под лампочкой болталась на нитке картонная летучая мышь, и тень от нее скользила по грязному полу. Василика сидела на краю неподвижно и смотрела перед собой. А перед ней ничего, кроме расстегнутой сумки и тяжелых наручных часов на краю стола с треснувшим стеклом.

— Василика?

— Он сам попросил тебя помочь ему, верно? Сам магистр? – она повернула ко мне бледное лицо. Ее глаза смотрели сквозь меня на шершавую стену. – Теперь ты работаешь на него да?

— Как и ты.

— Нет. Не как я, — торопливо отрезала Василика и поднялась. Она покусывала губы и шарила по столу в поисках часов. – Мне нужно проведать брата. Он был в ночной смене. Закрой дверь за собой.

Она направилась к коридору, по пути одергивая на себе полы короткой курточки. Я растерянно смотрел ей вслед.

— Василика... Так ты пойдешь со мной?

— Боже, Игнат, конечно, я пойду с тобой. Ты странный и наивный, но куда лучше, чем Гаяз с кнутом.

Василика подошла и тихонько ткнула меня в плечо лбом.

— Спасибо! – тихо сказала она.

4.

Раскол в Магистрате – организации неподконтрольной Директории и управляющей делами эфирных перемещений, наметился еще лет тридцать назад, в скором времени, после образования этой структуры. Магистрат боролся за монополию, стараясь прибрать под свой контроль все технологии Антона Боши, в то время как вторая независимая от Директории организация – Колониальное Управление активно боролась за предоставление им права самостоятельно организовывать перемещения персонала и ресурсов между метрополией и Мареной. Магистры никогда не желали, чтобы функции их ведомства сводились исключительно к техническому содействию работе Управления. Они боролись за честь Магистрата, держащего в руках, словно лошадиные вожжи, все односторонние и двухсторонние эфирные потоки, по которым струились нефть, редкие металлы, лес, газ и, наконец, люди. Но как бы там ни было, в их руках были лишь транспортные пути, а Марена принадлежала Управлению. Колония росла и процветала, и лишь круглый дурак не мечтал получить на ней хороший пост, а значит пост в Управлении, немного ослабив хватку и пойдя на компромисс. За четыре года магистры заслужили отборных проклятий и пожелания скорейшей гибели от директора Управления, а сам он – чрезвычайно неприятную язву желудка, но все опрометчиво выданные лицензии на свободное использование эфирного оборудования удалось отозвать, а заодно установить сертификацию на все образцы гальванических кубов.

Кажется, что-то такое мне рассказывал отец в те времена, когда я еще слушал его или делал вид, что слушаю. Еще до того, как я понял, что не великие возможности и слава ждут меня на просторах Казанского конгломерата, а болота спутанных в клубок улиц Пригорода, которые затянут в свое кислотно-алкогольное нутро, скрывающееся под толстым слоем сажи.

— Если ты про грызню Магистрата и Управления, то мне это известно и неинтересно, а если просто поддерживаешь разговор, то лучше помолчи, — Василика хмурилась и, казалось, что разглядывает меня, хотя только предполагать мог, что она видит и как именно. Наконец она подошла и провела ладонью по моему пиджаку. — Ты что это нацепил такое?

— Выпросил у Камиля китель без нашивок. Зато со знаками магистрата. Теперь за километр видно, что я выполняю поручения магистра.

— Вот именно. Сними немедленно! Я принесу тебе старую куртку Эмиля.

— Нет! – сказал я, хотя где-то очень глубоко внутри понимал, что она, возможно, права. — Ты говоришь как сестра.

— А я и есть сестра. Только не твоя. Ты выглядишь как дурак. Разве что флага не хватает с надписью: «Смотрите все – я работаю на магистра, обчистите мои карманы и проломите мне голову!»

Я повертел в кармане ромбик значка, который пока не решался надеть. Сейчас был нужный момент, но Василика все равно не увидит ни значка, ни символа на нем, который Камиль с легким пренебрежением расшифровал как «Дознаватель Корпуса Магистра». Ищейка. Плевать, это только на время. Но не мешает посмотреть, как вылезут глаза у Кнута, когда он это увидит. У шнырей, конечно, тоже.

Я понятия не имел, с чего начинать и куда идти. Радовала только возможность выбраться наконец из Зеленого дома и возвратиться, хоть на время, на знакомые улицы Пригорода. В стеклах начисто вымытого ночной сменой окна отражались наши силуэты: я в кителе поверх помятой рубашки и Василика в куртке, застегнутой до подбородка, на голову ниже меня. Куртка не по размеру, рукава заметно свисали и прятали кисти рук. Камиль спустился ровно к началу смены, вручил мне конверт, не удостоив взглядом, потрепал Василику по рыжим волосам.

— Осторожнее там в трущобах, — сказал он.

— Я в них вырос, — не без гордости отозвался я.

— А я и не тебе. В конверте пропуска и немного денег. Многого магистр от вас не ждет, я тем более, но желательно вернуться самим и не ждать, пока я за вами приду.

Камиль говорил тихо и изредка поправлял сухим пальцем воротник. Половина его лица, казалось, не поспекает за другой, отчего голос казался невнятным.

— А фотография или хоть какая-то информация? – спросил я.

Камиль усмехнулся — непослушная половина лица только скривилась, и выровняв по аккуратно выбритым вискам фуражку направился к выходу. Я задумчиво смотрел в его обтянутую белоснежным кителем спину.

— Ну и что нам делать? – произнес я вслух навязчивую мысль.

Василика пожала плечами.

— Идем. Осмотримся.

Зеленый дом больше не казался невнятным зданием на холме. Теперь это была крепость, окруженная колоннами бронированных машин и лесом наспех возведенных радиомачт. Я старался не смотреть на него. Впереди маячил серый пустырь, а за ним масляная река и далекие купола и трубы заводов. Утром, когда не видно неоновых огней и янтарно-желтых улиц-вен трущобного города, вид казался особенно унылым.

Василика заметно отставала. Я протянул ей ладонь, но она сунула руки в карманы.

— Не беспокойся за меня, я прекрасно ориентируюсь. Просто нам действительно некуда спешить. По крайней мере, пока ты не придумаешь план.

— У меня есть план, — сказал я сквозь зубы. Плана у меня не было. Был только Кнут, которого я надеялся отыскать.

Василика промолчала. Она остановилась на краю холма, с которого извилистой полосой струилась вниз грунтовая дорога.

— Ты правда родился здесь? – спросила она.

— Да. Посчастливилось.

Взгляд ее серых глаз скользил по морю плоских крыш.

— Что ты видишь?

— То же, что и ты. Холодную серость.

— Ну, знаешь, про Пригород может так говорить только тот, кто родился тут. Да, может он неприветлив, но это не кусок свинца. Тут есть где провести время и есть где скрасить жизнь.

Василика фыркнула и покачала головой.

— Ты считаешь меня невежливой? Хорошо, дознаватель Сафин или как тебя там, я спорить не буду. Но рекомендую поучиться формулировать вопросы и строить логические цепочки. Ты спросил, что я вижу. Я ответила – холодную серость. Серость – это пятно под розовым небом, пятно города, который успел остыть за ночь. Не спорю, там могут бродить чудесные обитатели этого места, но отсюда я их просто не вижу.

Я прикусил язык и зло поправил воротник кителя. В нем было прохладно и не слишком уютно.

— Издевайся. Но иногда вырасти где-то – уже половина дела, если расследуешь такую ерунду, как исчезновение человека. Думаю, если бы мы искали пропавшего слугу магистра в Шатках, то ты...

— Это вряд ли, — перебила Василика. – Шаток больше нет. Пустырь вроде этого и много ядовитой грязи.

Вниз мы спускались молча, скользя по насыпи и перепрыгивая от валуна к валуну. Я несколько раз подавал руку, но Василика только молча смотрела на нее, не вынимая ладоней из карманов, и шла вслед за мной.

Пригород начинался с кривой, но широкой улицы, расстилавшейся между двухэтажным баракком и обгоревшим остовом магазина с заложенными кирпичом окнами. Разбитая и грязная, она вела вниз мимо низких домиков, обвешанных колючей проволокой слепых стен и внезапных пустырей. Но со временем узкие проулки сменились перекрестками, полужидкая грунтовка подобием брусчатки из битого кирпича. Я втянул в себя сырой воздух, наполненный запахами щей, ржавчины и гари. По запаху легко определить в какой ты части Пригорода. Тут то, что называется «предбанником» — еще не пропахшая помоями окраина, но до густого бульона из ароматов крепкого пойла и жареных пельменей вперемешку с вонью потных спецовок далеко.

— Куда мы идем? – спросила Василика, быстрым шагом сократив расстояние, между нами. Выходные после смены обитатели трущоб пока помалкивали, смоля сигареты и раскладывая камни для игры на пустых ящиках, но уже кидали на нее заинтересованные взгляды.

— Увидишь. К одному менее неприятному, но более опасному типу, чем эти вокруг.

— Что они делают? – тихо спросила Василика, подойдя еще ближе.

— Ничего. Просто играют. На деньги. Может уже на тебя.

Она втопила голову в плечи и взяла меня за рукав.

— Не пытайся меня запугать. Видала я вещи и пострашнее.

— Говорю, как есть.

— Тогда заодно скажи, почему ты не пошел вчера со мной? Ты так отчаянно просил помощи у меня сегодня, а вчера, когда я хотела помочь тебе найти сестру...

— Я видел кое-кого.

— Ты о том болване, который пытался тебя подкупить, одновременно угрожая? Я бы забыла об этом быстрее, чем он пропадет из вида. Либо выслуживающийся перед капитаном охраны неудачник, который пытается набрать бонусов, подставляя других, либо шутник вроде Гаяза. Если ты ищешь тут настоящий шпионский заговор, то ты выглядишь глупо, несмотря на твои безумные догадки. Нужно было просто сообщить Жирю. Или мне.

— Догадки позволили мне стать дознавателем магистра, — напомнил я.

— Разумеется. Хороший повод с его стороны найти наивного простака для грязной работы. Не подвернись ты, думаю, завтра он повесил бы объявления.

— Почему ты такая злая?

Я ожидал еще одной вспышки. Но Василика взглянула на меня, прищурившись и только пожала плечами.

— Извини. Так о ком ты говорил, если не о тайном шпионе во мраке ночи?

— Я не знаю, как его назвать, — сказал я, пропустив мимо ушей ее колкости и дав повод новым. — Это что-то странное, вроде фигуры человека, только грубо нарисованной.

— Нарисованной на чем?

— Прямо на воздухе. Я видел его раньше в городе, когда бойцы Камиля спалили мой дом и забрали на службу. В еще раз вчера. Но ты не смеешься и перестала называть меня синонимами слова дурак.

Василика усмехнулась.

— Я так вижу людей вокруг. Чего тут смешного. Другой вопрос, что эта тварь хотела от тебя, если ты один ее видишь. Но на всякий случай, пользуясь тем, что ты пока на службе, я бы проверила за счет Магистра голову и зрение.

Я раздраженно выдохнул.

— Не думал, что ты скажешь это. Я надеялся хотя бы на небольшое доверие, если уж мы работаем вместе какое-то время. Точнее, скажем так, я вытащил тебя из службы чистоты и сервиса.

— О чем я тебя не просила, — напомнила Василика. — И, к тому же, говоря о доверии, ты забываешь, что уж глазам и серому куску мыслей в твоей голове уж точно доверять не стоит. Они только показывают тебе то, что считают нужным и как считают нужным, не более. Думаю, житель трущоб, знающий слово «синоним» должен прекрасно понимать это. И может я не вижу сейчас выражения твоего лица, но в моем мире меньше предателей, — она постучала пальцем по прикрытому веку. — Долго нам еще идти?

— Мы пришли. Просто я пытался проникнуться твоей философией. Но сейчас понял, что лучше уж поговорить с тем, кто много пьет и советует другим.

Дамир смахивал со стола крошки увесистым предплечьем, синим от напозающих друг на друга наколок. На его щекастом лице на мгновение появилось удивление, потом привычная скука. В его баре был слишком низкий потолок, кроме места над стойкой, где он уходил вверх вместе с забытыми бутылками полками к пыльному окну. На липких столах залапанные кружки.

— Если пришли помочь, то становись в очередь, — отвесил он шутку и распрямился, хрустнув позвонками. Заметив Василику, пригладил ладонью маленькие усы. — Где твой друг, Умник? Он не расплатился за последнюю дюжину бокалов и теперь обходит нашу улицу стороной. Может, случилось чего? Не отравился ли? Я попрошу Амира проведать, а может заодно и прихватить должок.

Амира поблизости, к счастью, не было. Иначе Василика наблюдала бы развалившуюся на скамейке полыхающую теплом массу, которую могла бы легко принять за пожар.

— Я давно его не видел, — начал было я, но Дамир не проявил к моему рассказу никакого интереса. Он мял пухлыми пальцами лацканы моего кителя и одобрительно кивал.

— Хорошо, хорошо приоделся. Как настоящий. И пуговицы как настоящие. Амир, взгляни, — он повернулся к пустому углу, вздохнул и махнул рукой, перехватив полотенце. — Где-то носит брата. Как твоего друга прямо. Может встретились, беседуют за кружечкой по поводу должка. Кружечку не желаешь, Умник? Тебе за полную цену, твоей милой спутнице бесплатно.

Я смотрел на Дамира сверху вниз — он был ниже на полторы головы, но казалось, что он занимает все пространство вокруг. Толкни дверь на улицу, и там будут его липкие руки.

— Дамир, мне нужно найти одного человека. Он прибыл в Пригород два дня назад и совсем не похож на местного. Выглядит странно, говорит странно.

Дамир серьезно кивнул.

— Знаю такого, Умник. Передо мной сейчас стоит. Говорит очень странно, да, — он отодвинул меня в сторону широкой ладонью и снова пригладил усики, обращаясь к Василике. — Он держит тебя в плену, красивая? Паспорт украл, да? Хочешь я тебя украду? Работу дам. Хорошую работу.

— Столы протирать? — спросила Василика.

— Ну, столы протереть я и сам могу.

— Кстати, пора бы начать. Ночь скоро.

Дамир непонимающе похлопал глазками. Я тоже.

Василика кивнула в сторону окна над барной стойкой, в котором горел уличный фонарь. Под окном темнела зеленая дверь с облупившейся краской, прямо посреди заполненной бутылками разных цветов и размеров стены. Выход из бара на улицу... Мне показалось это стран-

ным, но лишь на миг. Широкая пятерня Дамира опустилась на столешницу, едва не размолотив ее в щепки.

— Муха. Дрянь! Мух пустили, — он замахал полотенцем, обходя нас и подталкивая к выходу.

— Дамир..., — начал я, но торт снова отмахнулся.

— Идите! Идите! Странный человек... Ты странный человек. Женщина твоя – странный человек.

Причитания продолжались и за закрытой дверью. Снаружи моросил дождь. Василика смотрела на меня большими глазами, словно пытаюсь прочесть выражение моего лица.

— Нужно вернуться сюда позже и, желательно, незаметно, — сказала она.

— Да черта с два! У меня полно знакомых здесь, кроме этого придурка.

Она снова вцепилась пальцами в мой рукав.

— Хорошо, тогда зачем ты позвал меня с собой, если не для того, чтобы я давала хорошие советы?

Я промолчал. Возвращаться сюда не было смысла. Если Дамир не хочет говорить – его не заставишь, а если настоять – позовет брата.

— Пока мы недалеко, я могла бы связаться с Зеленым Домом и попросить помочь с этим, — она кивнула на дверь бара. — Нужно только найти телефон...

И, хотя скорее всего, она имела в виду, что следует попросить помощи ее неведомых друзей, я видел свою новую работу совершенно иной.

Но Василика ждала ответа. Для девушки без зрения слишком живописный взгляд, в котором вопросы наслаиваются один на другой.

Я закурил. Взглянул на Василику. Наверняка она видела только яркий огонек, но дым собственных сигарет вполне могла узнать.

— Мы пойдем к антиквару Рифату. Он приятнее в общении, чем Дамир, хоть и куда осторожнее.

— Откуда ты знаешь всех этих людей?

Я хотел сказать, что вырос среди них, но это была неправда. Вырос я среди историй отца и заботы мамы и Ким. Антиквару Рифату Кнут продал несколько неизвестно где раздобытых старых часов и зеркало. Часы ушли за бесценок, а за зеркало Рифат положил пять сотен. Все это время я стоял в дверях и с тоской смотрел на россыпь вещей на полках и светящихся янтарем витринах. Вещей, имевших свою историю, как правило печальную.

Мы нырнули в проулок, срезав путь по петле лавочников и угодили на Дугу. Так звали улицу ее обитатели, заявляющие, что все ее три километра изогнуты по центру города ровным мощеным полукругом. Остальные называли ее Кривой. Беззвучные экраны под козырьками баров показывали подернутые голубой дымкой башни столицы, похожее на икру скопление голов демонстрантов, выкрикивающих свои невнятные, но полные ненависти лозунги. В противовес творящейся где-то в глубинах империи яростной жизни, искрящиеся вывески заманивали в магазинчики и лавки, мастерские, «карточные» и «костяные», кальянные и клубы любителей собачьих бегов. Даже утром тут кипела работа, а на улице былолюдно. Шнырь на углу смерил нас ленивым взглядом и отвернулся.

— Идем.

Я потянул Василику за руку к зажатой между двумя лавками двери. Дернул ручку, но она не поддалась. Табличка вяло колыхнулась по ту сторону стекла.

— Черт!

— Попробуй просто приставать к прохожим, — съязвила Василика. Ее глаза светились изумрудами в полумраке под низким козырьком антикварного магазинчика.

— Нет, мы просто подождем.

В Пригороде на тебя всегда кто-то смотрит. В основном неодобрительно или с недобрым любопытством. К этим взглядам привыкаешь и начинаешь в ответ пялиться на прохожих. Кнут всегда искал повода для драки в таких делах, я же смотрел на людей исподтишка. В основном просто чтобы заранее почуять опасность. Навык, в котором был бы толк, не будь голова замусорена сотнями ненужных мыслей. Типов у арки, ведущей внутрь круглого двора я заметил не сразу. Только когда понял, что они точь-в-точь похожи на двух других, присевших за пустой картежный столик, но не притронувшихся к колоде. Они, не скрываясь смотрели в нашу сторону.

— Василика, дело плохо. Нам нужно разбежаться в разные стороны.

Она подняла на меня печальные глаза.

— Ты точно идиот. Я не вижу ничего, кроме тумана и большого пятна в небе. Куда я побегу?

— Тогда за мной.

Я попытался взять ее за руку, но не успел. Сильный толчок в грудь, опрокинул меня на брусчатку. Я приложился затылком по мокрому бульжнику и зашипел от боли. Василика стояла в паре шагов от меня и рассеянно смотрела по сторонам, пытаясь понять, что происходит, а два хмурых типа в серой одежде – словно близнецы тех шпиков в конце улицы, стояли справа и позади нее. Две мощные руки подняли меня с дороги, прежде чем я попытался встать, развернули. Я увидел плохо выбритое лицо с приплюснутым носом, а затем ощутил удар в переносицу и еще один в скулу. Третий скользнул по виску, когда я дернул головой.

Сказать что-то, даже вскрикнуть я не успел. Розовый туман заполнил улицу, небо и все вокруг. Раздался крик. Кричала Василика – я узнал ее голос. Попытался протянуть руку в ее сторону, но меня снова толкнули вперед, и я впечатался в кирпичную стену. Послышался звон разбитого стекла.

— Тащи его! – крикнул кто-то совсем рядом. Мне показалось, что меня втолкнули в помещение. Я ударился обо что-то похожее на стол.

— Чертов ищейка! Лезь обратно в свою конуру!

Моя ладонь скользнула по чьей-то щеке и в тот же миг два удара обрушились на мое лицо. Второй я почти не почувствовал, проваливаясь в темноту.

Уютная пустота оформилась в знакомые образы. Казалось, что подо мной привычная кровать со скомканным одеялом, подоткнутым к всегда холодной стене. Темно, потому что глубокая ночь, а Ким завесила окно покрывалом, чтобы не мешался свет далеких прожекторов в небе. Сейчас она подойдет, коснется моего лба тыльной стороной ладони и взерошит сальные волосы. Захочет спросить, не приснился ли кошмар и не принести ли воды, если она все равно проснулась. Разбитого лица она старается не замечать, только аккуратно проводит пальцами по той части щеки, которая еще не стала лиловой. Да, я хочу воды. Хочу проснуться и сорвать покрывало с окна, очнуться от того сна, в котором я все еще работаю на магистра и в котором есть странная Василика. Хорошо, что это сон. Значит ей ничего не угрожает.

Ким склоняется надо мной ниже, ее лицо приобретает странные черты. Я где-то видел его.

— Тише, — шепчет она, но голос совсем не Ким, хотя все равно знакомый.

— Ты Идель, — у меня отличная память на лица. Девушка из бара, полупрозрачная блузка и хвостик на голове. Я предлагал ей эль, а она забрала последнюю сигарету.

— Говорю же, тише!

Сквозь розовый туман я видел только углы маленькой комнаты, плотные шторы и осколок зеркала на стене. В самой Идель что-то изменилось. Да, хвостика больше нет. Светлые волосы рассыпались по плечам.

— Где я?

— У меня дома. Ты правда служишь магистру. Боже...

Я попытался нащупать лацкан кителя, но он был порван и забился куском тряпки куда-то за спину.

Ее голос успокаивал и становился все тише. Я снова соскальзывал в темную пустоту.

Прекрасное забытие длилось недолго. Знакомый голос Идель вырвал меня из уютной тишины обратно в боль и обжигающее чувство вины. Я попытался спросить, что случилось с Василикой и где она, но не смог пошевелить ни одним мускулом на лице. Казалось, что челюсть отвалилась вовсе и лежит теперь на моей грудной клетке, где, между прочим, разложила шприцы и ампулы Идель. Ее тонкие серьги-палочки сердито болтались, прищуренные глаза пытались уловить вопрос на моем лице.

— Не дергайся. Я вколола успокоительное – так проще шить. Знаешь ли, не все любят вид крови, даже собственной. А мы с тобой не то, чтобы давно знакомы, чтобы знать наверняка. Выглядишь ты неважно, но вроде бы ничего не сломано. Не бойся, опыт борьбы с синяками есть — у меня была не слишком веселая личная жизнь до прошлого года, — она улыбнулась, но прозвучало невесело.

Ее руки скользили над моим лицом, свет лампочки поблескивал на игле, но я ничего не чувствовал. В глаза бил яркий свет лампы, ослеплял, и большая часть комнаты была лишь светлым пятном. В углу стоял прозрачный человек, словно сделанный из стекла, и свет играл на гранях его скул и сгибах локтей. Он покачивался и шевелил руками, что казалось жутким, но отвернуться я не мог. Сделав шаг, он мгновенно оказался возле меня, преодолев половину комнаты. Сквозь его пустое лицо я видел искаженные черты Идель, смотревшей на меня с недоумением.

— Не дергайся, сказала же!

Стеклянное лицо рассматривало меня, склонившись низко, но я не чувствовал его дыхания, только холод, словно надо мной навис кусок чистого льда. Я пытался рассмотреть в его глубине вены, жилы, прозрачные кости черепа, но там не было ничего, кроме погруженного в толщу пустоты света. Вернулась Идель, и прозрачное лицо отступило, нависнув теперь над ее плечом. Чертовы уколы. Похоже, что они куда сильнее, чем требовалось.

— Держи, — Идель воткнула мне в пальцы теплый стакан. — Пахнет на любителя, но на вкус терпимо. Надо выпить все. Если, конечно, не хочешь проваляться тут неделю. Предупреждаю, может заявиться мой бывший, а ты не в том состоянии, чтобы побороться с ним за главный приз.

Стеклянный человек медленно пятился к приоткрытой двери. Некоторое время в проеме еще маячила его голова, затем пропала и она. Я прикоснулся разбитыми губами к краю стакана, кивком поблагодарил – челюсть все еще бунтовала против остального тела. От тягучей почти не горячей жидкости из стакана возвращалась ясность ума и остатки сил. Онемение схлынуло с лица, вернув тупую боль. Заныли зубы и нестерпимо засвербело в носу. Я аккуратно потрогал пальцем шов на лбу.

— Ага. Инфекция – то, что тебе сейчас нужно, — вздохнула Идель и сломала еще один пузырек. — Не знаю, сколько тебе там платит Магистр, но ты мне должен. Аптечку как минимум и халат. Он теперь на черта похож.

Я с удивлением взглянул на широкие махровые рукава, из которых торчали мои исцарапанные руки. Идель. В день знакомства в баре я выглядел, наверное, куда романтичнее и загадочнее – без пяти минут свита Магистра, задумчивый и трезвый в бурлящей толпе бара.

Теперь меня можно назвать как минимум жалким, и все равно она не выставила меня за дверь, хотя и намеревалась выставить мне счет.

— Тебе нужно поспать, — сказала она и, прежде чем я возразил и попытался встать, добавила: — Я дала тебе снотворное. Спасательные операции и работа завтра.

Рассердиться и потребовать отпустить меня не получилось. Я очнулся, когда Идель уже не было рядом. Большие часы на бежевой стене показывали без четверти одиннадцать и, судя по крошечной темноте за плохо зашторенным окном, совсем не утро. Боль в теле и на лице притупилась, и я вполне мог разглядеть комнату Идель, хоть перед глазами все еще плавала темная мишура, словно в калейдоскоп засыпали мусор. Комната совсем маленькая, без кухни. Только душевая, больше похожая на телефонную кабину, торчала в нише. Значит, я все еще на окраине и скорее в одном из дешевых доходных домов, где можно найти жилье за пару сотен хоть и без гарантии, что за стенкой не окажется, скажем, труп. В душевой была приделана полочка и маленькое зеркало. Из него на меня смотрело потрепанное и озадаченное лицо с косым пластырем поверх свежего шва. Я аккуратно умылся, сунул в мусорный бак скомканное полотенце. Туда же полетел грязный китель, опустившийся поверх скомканной мужской одежды. Видимо, я не первый гость в этой квартире.

— Куда ты собрался? — тихий голос за моей спиной. Я бросил взгляд в зеркало, не оборачиваясь. Идель держала в руках пакет и смотрела на меня, застыв посередине комнаты.

— Мне нужно найти человека. Девушку... Мою напарницу, — сказал я, аккуратно пробуя на вкус каждое слово. Гласные отдавали железом во рту, от других болели скулы. — На нас напали.

— Знаю, — Идель поставила пакет на пол и скрестила руки на груди. Ее взгляд был растерян. — Я нашла тебя в дубильной мастерской. Иногда захожу туда за... — она запнулась и потеряла глаз, — обрезками кожи. Но в это время они еще не работают — хозяин отсыпается после своей смены на заводе. Но дверь была открыта...

— Мне повезло, — сказал я, сделав ударение на «мне», и Идель, возможно, заметила.

— Твоей девушки или кто она тебе, там не было. Думаю, она убежала и уж точно может позаботиться о себе. Вы же служите Магистру и ближайший шнырь просто доставит ее в Зеленый дом.

— Она слепая, — перебил я. — И никогда не была в Пригороде.

Идель пожевала губу.

— Так ты пойдешь туда? В город?

— Если ты мне дашь нормальную одежду.

Она невесело усмехнулась.

— Мое кожаное платье? Есть сарафан.

Я подошел к ней. Вблизи она была почти одного роста со мной, но казалась меньше. На ее белых плечах еще не высохли крупные горошины дождя. На мое прикосновение, она не ответила, но мышцы под тонкой кожей напоминали пучки стальных струн.

— Идель, спасибо тебе.

Она пожала плечами и кивнула.

— Будь осторожен там. Я не хотела бы штопать тебя снова половину ночи. Хотя, если придется, конечно, буду.

— Не придется. Я вернусь и принесу тебе новый халат. И полотенце.

— Если, конечно, вспомнишь, где я живу.

В этом Идель была права. Старый дом напоминал плохо сложенный из других домов лабиринт. Скорее всего тут просто понастроили стен, чтобы слепить вместе два корпуса и сделать побольше похожих на шкафы комнат. Некоторые двери вели никуда, другие неожиданно выныривали в ту часть, в которой никто не жил. Сквозняк гонял старые листовки и мусор по пустым коридорам. В окна светили желтые фонари и мерцающие красные вывески аптеки и

бара. Другие упирались в кирпичную стену. Над головой раздавался грохот и топот ног, детский плач, визги вечернего быта и хриплые голоса экранов. С балок сыпалась пыль. Я выглянул в окно на сырую улицу, оживленную, несмотря на морозящий дождь. Так и есть – окраина, квартал от того места, где я потерял Василику и самоуверенность. Что ж, видимо, стоило начать заново и с той же самой точки.

В конце коридора, перед самой лестницей я наткнулся на две давно необитаемые клетки. В ближней дверь явно открылась не добровольно – она едва держалась на одной петле. Бурый след на пыли и перевернутый стул, уставившийся ножками в сторону окна, говорили о том, что хозяин тоже вряд ли обрадовался гостям. Обрывки желтой ленты болтались на дверном косяке. Тяжелый запах крови и страха, казалось, еще не выветрился из тесной комнатухи с окном, заложённым кирпичом. Я сорвал с крючка на стене пылившееся там пальто и надел его прямо поверх еще недавно белой рубашки. В карманах смятая листовка из почтового ящика и пара монет.

Оказавшись на улице, я поднял воротник и зашагал, влившись в толпу, в сторону той мастерской, которую Идель назвала кожевенной. Улица горела мерцающими вывесками, свет которых переливался в лужах и на мокром асфальте. В свете фонарей клубился дым и мелкая морось никак не прекращающегося дождя. С высокого холма, горбатой спиной возвышающегося над крышами домов и усеянного светлыми извилинами улиц, катился гул заводских сирен.

5.

Старик смотрел на меня с подозрением, пока я разглядывал ступени, на которых нас с Василикой застали врасплох. Почти никаких следов, кроме нескольких бурых пятен. Я остановился на ступени, которую в прошлый раз перешагнуть уже не успел. Странное ощущение, словно окатили ведром тревоги и страха. Снова заныли скулы и шов над бровью. Огляделся. На этот раз никаких подозрительных лиц. Скорее – все тошнотворно подозрительные, но не настолько чтобы бросаться к ним с кулаками и вопросами. С кулаками... Обычно Кнут избавлял меня от подобного.

— Ты от Идель? — спросил старик наконец.

— Я ищу кое-кого...

— Тогда проваливай отсюда!

В сухих ручонках вполне мог оказаться обрез. Держать мастерскую на окраине Пригорода – дело непростое, особенно когда самого сдувает ветром, а на приличную охрану кого-то из отставных шнырей дохода не хватает.

— От Идель, конечно! – торопливо заверил я. – Но мне нужно еще кое-что. Впрочем, потом...

Я протиснулся в приоткрытую дверь, бросил взгляд на обстановку в душевой каморке. Если тут и был разгром, то небольшой и давно устраненный хозяином. Только заваленный шкурами стол стоял криво. Не спуская с меня глаз и не мигая, старик выставил передо мной две грязные колбы и промасленный сверток. Удушливый запах усилился.

— Как обычно. Сумку не дам – она прошлую не вернула, — он протянул руку и торопливо пошевелил пальцами. – Три сотни. И пятьдесят за сумку. Отдам, как притащит.

— Разумеется, — я неспеша принялся шарить по карманам, затягивая время. – Здесь была девушка. И несколько типов, преследующих ее. Ничего такого не заметили?

Старик следил за моими руками, затем уставился прямо в глаза и убрал бутылки и сверток под стол.

— Пошел отсюда к чертям собачьим!

Ну разумеется. В этом городе только в компании Кнута с килограммовыми кулаками и Ким с неплохо работающей головой можно чувствовать себя человеком. Когда ты один, не сыпешь деньгами, не помахиваешь кастетом и не грозишь особо запутанной статьей Торгового Кодекса, ты слизняк и ничтожество для каждого. Выйти и прикрыть за собой дверь – лучшее, что можно сейчас придумать. Желательно, еще и промямлить извинения. Хотя, с чего вдруг я решил, что я один. Значок все еще при мне, хотя больше и не на кителе, а на старом, принадлежавшем, скорее всего, мертвецу пальто. Посмотрим, насколько ты смел против этого. Я сунул отчеканенный знак под нос старика, для убедительности крепко сжав его шею. Он скользнул взглядом по значку, по моему лицу и нервно слотнул. Вариантов в его голове было два: или он отправил к чертям агента магистра и тогда у него проблемы, или же перед ним псих, не побоявшийся таскать на пальто искусную подделку, и тогда у него точно проблемы.

— Что тебе нужно?

— Ответ на вопрос. Я его уже задал.

От старика получить много информации не удалось. Он заявился в свою лавку после обеда, обнаружил выбитую дверь и беспорядок. Хмурых типов уже не было, но в подсобке пряталась незнакомая девушка, которую он принял было за Идель, зашедшую не вовремя и рыскающую на складе. Впрочем, слушать ее рассказов он не стал и избавился от нее сразу, как только проверил карманы. Вряд ли он врал, но на кадык нажать лишний раз пришлось. Незнакомое чувство превосходства поднялось откуда-то изнутри. Наверное, Кнут так чувствовал себя всегда.

— Я думал, это кто-то из девочек Дамира сбежал. Ты же знаешь, они на контракте, но так и норовят податься на волю. Послал гонца и отправил воровку к нему.

Дамир... Говорить с ним будет непросто. Я отпустил старика и пошел к выходу, слушая за спиной хриплый кашель.

— Идель зайдет завтра, — сказал я, не оборачиваясь и импровизируя на ходу. — А если ты соврал, то я тоже зайду завтра. И на этот раз не один.

Мой отец не понял бы меня. Принцип никогда не повышать голос и не применять силу лежал среди тех основ, на которых балансировало его шаткое существование. Тому же он учил меня и это не бесило так сильно, как то, что Ким пыталась повторять его слова, когда я начинал сильно сомневаться в его моральном наследии. Но ни Ким ни, тем более, отца тут нет. Зато есть проблема — найти среди миллионов ушлых обитателей Пригорода слепую девушку, которая доверилась мне и согласилась помочь.

В баре Дамира было куда оживленнее чем в прошлый раз. Двое полутрезвых клиентов сидели снаружи на ящиках и вдумчиво двигали камешки по доске нард, пуская друг другу в лицо облака папиросного дыма. Тут редко бывают драки. Брат владельца Большой Амир смотрит за порядком, хотя бывает, что сам для остротки прикладывается к чьей-нибудь не понравившейся физиономии.

Вваливаться в бар и хватать Дамира за грудки было глупо. Кроме того, что Дамир сам далеко не сухой старик кожевенник, а рядом всегда ошивался гора-брат примерно с одинаковым отношением мускулов и жира. Я нырнул в узкий проулок, вспомнив, что за барной стойкой видел дверь, сразу под окном, на которое Василика почему-то обратила внимание. Из проулка несло помоями и дохлыми крысами, и совсем немного, неожиданно, серой. Груда переполненных мусорных баков, старые коробки и даже остов полусгнившего холодильника — все на месте. Кроме окна и двери. Их не было тут, даже намек на них. За поворотом я спугнул бродячего пса, обнюхивавшего в стельку пьяного бродягу на предмет остатков еды. Бродяга прикрыл лицо рукавом и перевернулся на другой бок, подставив мне грязную спину. И здесь ни следов двери, даже служебной. Зато обнаружилось низкое полуприкрытое окно. Оттуда тянуло пригоревшим мясом и пивом. Стараясь не наступить на бездомного, я распахнул створки шире и влез внутрь.

Подсобка. На полках куча банок, часть из которых вздулась и протекла пенными ручьями. Я сразу понял, что в комнате не один — довольно громкий шорох послышался в углу, куда падала тень от перегораживающего помещение шкафа. И никакого оружия под рукой, хотя мог бы догадаться прихватить из груды мусора кусок доски или разбитую бутылку.

Дверь распахнулась прежде, чем я понял, что в тени сидит, разглядывая связанные руки Василика. Амир едва не выломал дверной косяк, задев за него плечом. Что ж, секретность провалилась, а запасного плана у меня не было. Я выставил руки перед собой, как обычно делал, столкнувшись с бродячим псом. Амир огромный, но неповоротливый. Был шанс поднырнуть под его руку и избежать удара. Но это лишь временная отсрочка.

Амир не думал долго. Увидев меня, он затряс головой, напуская на себя побольше ярости и бросился вперед, попутно сбивая полку. Я попытался оттолкнуть его, но почувствовал, как мощное плечо сбивает меня с ног. Пытаясь удержаться на ногах, я уперся локтем в подоконник. В тот же момент скользящим ударом Амир саданул по стене, выбивая куски побелки. И повернулся ко мне. Внезапный удар стулом по хребту даже не заставил его обернуться, только вздрогнуть от неожиданности. Василика отскочила в сторону. Скорее всего, свою цель она видела огромным красным сгустком. Что ж, и на том спасибо. Вот только встречного удара она не переживет, а я вряд ли помешаю ему, даже если повисну на руке.

— Стой! — визгливый голос Дамира наполнил тесное помещение. Сам он стоял в дверях, прижав одну руку к груди, то ли от одышки, то ли от страха. — Амир, перестань!

Но сигналы с трудом пробивались сквозь эту массу. Словно у тех древних ящеров, о которых рассказывал отец вечерами, когда я еще имел желание его слушать. Кулак пролетел в опасной близости от моего лица, а затем в оконную раму врезался локоть, подняв тучу пыли. После Амир остановился и вопросительно повернулся к брату.

— Амир, все хорошо. Ты молодец. Иди, я разберусь.

Не менее неприятная компания, скажем прямо. Но пухляшу Дамиру еще нужно время и удача, чтобы дотянуться до меня. Дверь закрылась за Амиром, но неплотно, из щели доносились звуки бара: крики, звон стекла и музыка. Казалось, что остальные звуки вплетались в ритмичные пульсации электродумбры.

— Не держи зла, Игнат. Амир не очень умный, да, но он хороший человек и надежный человек. Он делал то, что я просил – охранял мою гостью.

— Гостью, которую ты связал?

— Почему связал? Это платок. Милая, покажи платок.

Василика подняла на уровне глаз не слишком чистую тряпочку, а затем принялась заново заматывать ей руку. Я заметил порез на ее ладони.

— Не хочу ругаться, конфликтов не хочу. Я ждал тебя. Ждал, чтобы подружку твою отдать. Город незнакомый, она видит нехорошо. Опасно. Тебя ждал.

Дамир пытался говорить убедительно, но его руки заметно тряслись. Пальцы то сплетались, то похрустывали суставами. Нервничал. Почему? Доверять ему я не собирался, но будь у него желание задержать нас, Амир вряд ли бы отправился восвояси.

— Почему ты нас отпускаешь?

Дамир пожал плечами. Вышло комично, учитывая, что шею у него еще поискать.

— Я добрый человек. Я не злой человек. Мне с тобой ругаться причины нет. Долг отдашь, а не отдашь – небольшая беда.

Василика за его спиной постучала пальцем по кончику носа. Ясно, что врет. Но почему, скажет вряд ли.

— Жаль, помочь никак не смогу. Не видел я вашего странного человека, даже не слышал таком. Пригород большой – Дамир маленький. Может вам с городскими поговорить?

Толку от него немного, особенно когда напуган. Я таким видел его второй раз. Первый, когда молодой шнырь всадил в его брата две пули, решив было что полтонны несется по улице по его душу.

Прежде чем я махнул рукой, соглашаясь, Василика взяла меня за рукав и постучала пальцами по шершавой стенке у шкафа.

— Что там за перегородкой?

— Улица, милая, — Дамир расплылся в натянутой улыбке.

— Давай-ка правду.

Я вдруг понял, о чем она. Барная стойка справа от двери, и возле нее якобы выход, но со стороны улицы ничего. Как и окна над фальшивой дверью. Значит, окно тоже фальшивое. А за стеной помещение, о котором Дамир говорить не хотел бы.

Он некоторое время переводил взгляд с меня на Василику и обратно, что-то просчитывая в голове, затем кивнул.

— Идемте!

Звуки кипящего людьми и весельем бара обрушились на нас, но ненадолго. Пока Дамир возился с ключом, Василика взяла из рук бармена стакан, предназначавшийся кому-то другому и виновато улыбнулась в мою сторону.

За дверью было просторнее, чем в подсобке, но лишь потому, что тут почти не было мебели. Фальшивое окно виднелось наверху, а в метре от него горел, привязанный к потолку тросами, обломок фонаря. Потолок над ним был выкрашен грязно-голубой краской – неровное овальное пятно. Сквозь очень пыльные стекла не понять видимость ли позднего вечера или

пасмурного дня. Вдоль стен несколько поломанных стульев, а на сколоченном из досок низком подиуме то, что тут вовсе казалось неуместным – большое зеркало, наполовину завешанное старой шторой. Тусклый желтый свет заливал это странное помещение, служащее, казалось, ни для чего конкретного.

— Что это такое? – спросил я.

— Думал, ты знаешь. Клуб. Синклит свидетельствующих Инферно – как-то так называют себя. Странные люди и странные развлечения у них. Дают большие деньги, чтобы провести свои ритуалы. У них таких вот комнат, как у меня тут, наткано полно по городу. Иногда возвращаются, иногда нет. Но дают столько, что я придержу пока это место – может вернуться.

Я чувствовал, как под ногами поскрипывают узкие разошедшиеся доски с остатками краски. Василика стояла у стены и потягивала из высокого бокала.

— А что они делают? – спросил я.

— Нехорошее они делают. Меня звали, но я не пошел. Зато подсмотрел – знать же надо. Зеркало видишь? Это плохое зеркало. Его надо разбить, но я коснуться его боюсь.

Василика оторвалась от стены и подошла к нам.

— Синклит или Клуб – это почти легенда. Мало кто верит, что они существуют. Есть даже подражатели.

— Ты что-то знаешь о них? – спросил я.

— Немного. Тайное общество тех, кто хочет заглянуть в секретный мирок Магистра. Я слышала, что они считают, будто норы, открываемые магистрами, ведут не в другие миры, а в адские измерения, а Марена – сама преисподняя. И у них есть основания так думать. Ты знаешь, конечно, что любая атрибутика любой монотеистической религии вблизи норы-портала, вырубает его наглухо и ломает сам гальванический куб, что наводит на мысли. Кто-то из основателей решил, если у Синклита вообще таковые есть, что, если норы боятся креста, полумесяца и моголеновида – про другие символы почему-то обычно забывают – тот сам Ад неподалеку. Но в отличие от фанатиков и террористов, эти личности ставят своей целью доказать свою правоту, засвидетельствовать Ад и изучить его. Ритуалов у них немного, больше антураж и секретность, но говорят, что их заседания – зрелище не для слабых.

— Так это террористы из организации Свидетелей Ада?

Василика покачала головой.

— Насколько я знаю, связь между ними и террористами так и не установили. Опять так, из-за полуполюгендарности Синклита. Но уверена, что и тут и там числятся одни и те же типы.

— Я думал, что кроме магистров никто не может создать нору и пройти сквозь нее.

Василика покачала головой и отставила в сторону полупустой стакан. Теперь в его толстых гранях играл свет фонаря.

— Поправка, — сказала она, — никто не может соорудить гальванический куб или наделенный его силой объект. Поэтому они тайно через сеть шпионов и дельцов находят уже готовые артефакты. Это может быть кусок куба, жидкость, готовая для заливания в него, что-то из вещей магистра... Не все имеют нужную силу, но в той или иной мере позволяют заглянуть в окно в сторону Марены. Старые зеркала – серебряные, которые уже непросто достать, вблизи объекта ведут себя странно. Иногда открывают окно в иной мир, а иногда и небольшую нору. Но чаще слышно только звуки по ту сторону зеркала. Неприятные звуки.

Дамир закатал рукав и показал пухлую руку.

— Было окошко, я видел. С яблоко размером. Один из них в красном пиджаке долго смотрел, слушал долго, а потом руку сунул. Она и осталась там, вот так вот, — он провел ребром ладони по локтю, словно расставался и со своей рукой. – Не было крови, холод был. И запах... как плесень пожарили на старом масле.

Я знать не хотел, откуда такие ассоциации.

— Если твой «странный человек» захочет найти что-то совсем интересное в Пригороде и развлечься там, то он точно Клуб найдет, — добавил Дамир. — Но сначала бои на ринге Сухаря. Это как пить дать!

— Что в них такого особого? — спросила Василика, но я и Дамир предпочли промолчать.

За стенами бара стояла ночь. Яркая неоновая ночь Пригорода, наполненная шумом и смрадом заводских труб. К нему примешивался запах дешевого алкоголя и сырости подвалов. Последней тянуло из зарешеченных окошек, выглядывающих из земли и брусчатки слепыми глазницами. В некоторых виднелся приглушенный свет.

Я хотел набросить на плечи Василики пальто, но она отмахнулась. Затем прижалась ко мне и долго стояла, уткнувшись носом мне в ключицу.

— Прости. Не думала, что снова увижу тебя, как бы странно это ни звучало от меня, — мне показалось, что она улыбнулась. — Я плохо понимала, что происходит, но догадалась, что дело плохо, когда осталась одна. Тебя куда-то утащили и все потемнело. Потом хозяин того места... Он не собирался выпускать меня. Потом Дамир.

— Странно, что Дамир вот так просто отстал от нас, — сказал я.

— Мне показалось, что он напуган. Сначала был таким же, как утром — мерзким и наглым. Все спрашивал, умею ли я танцевать и не хочу ли хороших денег. Уточнять я не стала, ударить не могла — судя по пятну тепла, он вчетверо больше меня, да и сбежать было сложно. Разумеется, они меня связали, и я сидела и слушала сальные вопросы и замечания, отвечая не вслух. А потом Дамира позвали. Кажется его брат. Когда он вернулся, то был молчалив. Затем развязал меня сам и сказал, что ты скоро придешь за мной. Я не сразу узнала его голос — он был тихий и очень настороженный.

Обрадоваться в полной мере тому, что ей не причинили никакого вреда, не получалось. Слишком сложно напугать чем-то Дамира, и то, что кому-то это удалось, беспокоило до чертиков. Я слегка отстранил Василику от себя, попытался пригладить ладонью ее волосы, но она убрала мою руку.

— Идем. Я скажу адрес, а ты проводишь нас туда, — сказала она.

— Думаю, стоит вернуться в Зеленый дом...

— Нет, не нужно этого делать! Ты выполняешь поручение Магистра, а я помогаю тебе. Если не хочешь завтра снова увидеть швабру и довольное лицо Гаяза, просто делай, что я говорю. Тебе нужно отоспаться и набраться сил. В конце концов, тебя едва не убили. А мне нужно доделать кое-какие дела.

Мне было сложно представить, какие у нее могут быть в Пригороде дела. И согласиться с ней тоже, хотя я понимал, что она права.

— Мой дом сгорел, — напомнил я. — А больше безопасных мест тут нет.

— Есть одно. Семья Пловца живет тут, и они хорошо меня знают. Думаю, напроситься на одну ночь труда не составит. Главное — не болтай много. И какое счастье, что ты избавился от идиотского кителя, — она прогладила рукой мое пальто.

— У нас не так много времени, — напомнил я.

— Наоборот. У нас его полно. Если ассистент Магистра объявится в Зеленом доме добровольно, то нас просто отзовут. Найдут быстро, не беспокойся. Если его похитили, то поиски — дело затяжное. Если он решил устроить себе небольшой отпуск, то тем более.

— Хорошо, — торопливо сказал я. Спорить совершенно не хотелось. — Говори адрес.

Путь неблизкий. Почти час через нижние кварталы, и я бы туда не совался в это время, но через центр минут на сорок дольше.

Пловец. Это имя я уже слышал. Вроде бы тот парень, который что-то знает про Сеть и с которым Василика пыталась познакомить меня в тот вечер. Нужно было просто шагнуть с ней в ту дверь тогда и жизнь не была бы такой странной, как последние два дня.

Нижний город прозябал в темноте. Сети обрезали здесь еще года три назад, потому что никто не собирался платить даже за ту тусклую лампочку под потолком, в свете которой во всей красе представало убожество рыхлых стен. В окнах смердели свечи, тянуло горелым тухлым салом. Остатки деревянных коробок и гнилые доски – вот и вся мостовая, под которой лениво строились потоки грязной воды. После дождей тут все превращалось в реку. Арыки, давно забытые, никто не собирался чистить.

— Стой! – я сказал это тихо, но Василика мгновенно замерла и спряталась за мою спину. Огни улиц горели заревом там за плоскими крышами, за трущобами среди трущоб. Тут только темнота под электрическим небом и неясные силуэты, тихо подкрадывающиеся с трех сторон. В нижнем городе не бьют ради забавы и не грабят, припугивая расписанной похабными письменах дубинкой. Быстро молча и жестоко тут добывают себе средства на жизнь те, кого давно пережевывали и выплюнули за рекой. Что говорить про патрули или квартальных хлыщей, сюда даже Кнут не показывал носа. Отчасти потому, что не имел тут интересов, да и развлечениями Нижний город не богат. Разве что такими вот. Что ж, зато ночью тут безопаснее, чем днем. Темнота работает в обе стороны. Главное вовремя заметить тени.

Они подходили молча. Один вдоль стены нам навстречу. Другой, видимо, пропустил нас и теперь стоял позади. Еще один, уже не сильно скрываясь, направлялся из арки наперерез.

Можно попытаться сбежать. Один путь в тесный проулок между полусгоревшими и дышащими плесенью, но жилыми домами. Другой напролом. Второй вернее. Местные шайки хороши неожиданностью, но трусливы.

Я поднял руку и попытался выкрикнуть устрашающую фразу, начинающуюся с имени Магистра, но воздух замер комком в гортани, словно кусок стекла. Руку вытянуло вперед без моей воли, а пальцы стянуло холодом. На мгновение мне показалось, что по ним скользнули синие искры. Улицу разорвали шипение и хрипы, словно от комка дерущихся кошек. Но их издавали не кошки. Я с трудом повернул голову, все еще не дыша. Тень из арки исчезла. Позади послышался топот ног, но силуэт передо мной стал больше и выше. Я вдруг понял, что он оторвался от земли и висел над ней, прижатый к стене. Его ноги слабо болтались, а неестественно вывернутые руки с царапали локтями и пальцами мокрый кирпич.

Не в силах опустить руку, я все же шел вперед, подбираясь к тени. В очень тусклом свете отголосков далекого зарева я видел впечатанного в стену человека. Обычный оборванец нижнего города. Он дергал головой и хрипел, но уже тише. Его одежда распадалась на полосы, словно ее кромсали невидимым скальпелем. Так же легко расходилась, обнажая натянутые мышцы, его кожа. Глубокая борозда протянулась по его щеке и в ней блеснули открывшиеся зубы. Я отпустил руку. Грузным мешком бродяга упал на землю и затих.

— Черт! – Василика схватила меня за руку и потянула в сторону, в проулок. Мы торопливо шагали по нему, едва не срываясь на бег, пока свет фонарей не стал ярче и не выхватил из темноты обеспокоенное лицо Василики.

— Стой. Замри!

— Что ты творишь? Нам надо бежать отсюда. Тут опасно. Ты видела, что?..

— Опасный тут только ты, — она откинула мою руку, пытающуюся схватить ее за локоть, и прижала ладони к моему лицу. — Игнат, успокойся. Дыши ровно и считай вздохи, не пропускай.

Я почему-то слушался ее. Возвращалось ощущение страха так же быстро, как схлынуло пламя с кончиков пальцев и предплечий. Комок в горле снова стал сырым воздухом. Василика торопливыми движениями обыскала мое пальто, задержалась на кармане и взглянула, как мне показалось, прямо в глаза.

— Давай сам.

Там лежало что-то тяжелое и очень холодное, одновременно похожее на кусок металла и жирного живого слизня. Я, стараясь не отбросить это от себя, извлек руку из кармана. На

моей ладони поблескивал перстень. Я видел подобные уже на пальцах моего шефа. Перстень
Магистра.

6.

Нижний город отделял от Инженерного района прямой как стрела и непривычно широкий Пограничный проспект. Собственно, пограничным он не был – шайки из близких темных барачков, бывало, что хозяйничали во дворах, в которых все еще горел свет, а мастера, попавшие под сезонные увольнения, покупали жилье подешевле в темных кварталах на южной стороне. Не был он и проспектом – просто безымянная улица, одна из многих, которым не досталось имени, чуть менее грязная и с почти целыми ливневками, хотя и она по осени частенько превращалась в поток. Семья Пловца жила в доме из красного кирпича почти идеальной кубической формы, если бы не сохранившиеся кое-где балконы и массивные решетки на окнах. Сквозь глухие занавески сочился жирный оранжевый свет.

— Василика! – женщина в засаленном халате полезла с объятиями, пристроив клубящуюся паром миску на краю стола. Ее увядающую красоту спасали черные как уголь волосы, недавно вымытые и уложенные на голове пятком старомодных заколок. Все это небольшое жилье, пахнувшее свежим супом и мылом, казалось ее продолжением: расческа на низком столике среди газет, осколок зеркала, прихваченный гвоздями между шкафом и захламленной вешалкой, россыпь цветных пуговиц на деревянной шкатулке на подоконнике. Коротко кивнув и поймав в ответ дружелюбную улыбку поверх плеча Василики, я принялся осматривать стены. Мне всегда казалось, что стены скажут куда больше о жителях дома, чем их порой притворное дружелюбие. Ни плесени, ни паутины, хотя заметно, что отставшие от стен и вздувшиеся обои прихвачены кое-как, где клеем, а где просто булавкой. Тут и там выцветшие открытки – корявые рисунки и посвящение маме цветным карандашом. Ребенок сидел тут же у стола на старой куртке, пристроив тетрадь между коленок, и с любопытством рассматривал меня, склонив набок голову. На его выбритой голове темнели пятна зеленки. Мы обменивались молчаливыми взглядами, пока руки с закатанными рукавами не подхватили его с пола и не усадили за стол. Парень облокотился на шкаф, скрестив на груди освободившиеся руки и шурясь посматривал на Василику.

— Пловец? – она наконец освободилась от объятий. – А ты почему здесь?

Тот пожал плечами, а женщина в халате закатила глаза и поправила заколку в волосах.

— Ох мне эти ваши прозвища... Саша, найди еще один стул. Ты же видишь, у нас гости.

— Успеется, мам! – он пожал мою руку, другой слегка приобнял Василику. – Как видите, не только у вас выходной. К шести утра нужно вернуться в Зеленый дом, а вы, я так понимаю, — он скользнул взглядом по моему лицу и все еще застегнутому пальто, — задержитесь?

— Разве что на пару дней. Ты знаком с Игнатом?

Мы пожали руки еще раз. Я узнал, что женщина в халате – Рита, мать и Пловца, и все еще плящущегося на меня мальчишки. Он не отвлекался даже когда проворные руки Риты прихватили его к стулу эластичными ремнями. Только тогда я заметил, что его ноги слишком тонкие и безвольные. Василика потрепала его по голове, каким-то чудом, не зацепив залитые зеленкой ранки, и получила тихую улыбку в ответ.

Я подошел к окну и аккуратно отодвинул штору. К счастью, окна не выходили на нижний город. За толстыми решетками висела электрическая ночь. Дым из высоких труб казался низкими тучами, плывущими над холмами. Зеленый дом, конечно, не видно. Василика подошла ко мне и тронула за рукав.

— Я бы сточил шляпки болтов на решетках, — сказал я. — Так безопаснее.

— Думаю, пока ты здесь, нам всем бояться нечего. А утром скажу Пловцу.

— Кажется, понимаю, о чем ты. Мы вернемся с Пловцом в Зеленый дом и отдадим перстень Магистру. А после вернемся продолжить поиски.

— Мы не будем этого делать, Игнат, — Василика смотрела за окно, слегка шурясь — для нее эта ночь была яркой. — Если ты вернешься в Зеленый дом, ты уже не будешь ищейкой — я говорила тебе об этом. А теперь все куда сложнее. Думаешь, кого-то будет интересовать как перстень попал к тебе? Камиля, Жиря или самого Магистра? Тебе пустят пулю в лоб, едва ты вынешь руку из кармана, а реликвия вернется на место. Вот как все будет. И ты прекрасно знаешь, что я права.

Я покачал головой.

— Магистр поймет.

— Поймет? — она невесело усмехнулась. — Как же по-собачьи ты предан ему и при этом вообще его не знаешь.

— Не говори так!

— Я могу так говорить. Я знаю Магистра. И куда лучше, чем ты, — она отпустила мой рукав и скрестила руки на груди. — Я пособница кражи, Игнат. Ненстоящая, просто так это увидят остальные. И моя голова задержится на шее ненадолго, после того как отвернут твою. Можешь подумать обо мне, например, если так хочется поступить правильно.

Черт! Надо переставать прислушиваться к ее словам. Они всегда кажутся логичными.

— Что мне делать?

— Продолжить свою работу. Найти ассистента Магистра — беглеца и притащить его в Зеленый дом. Если ты вернешься не с пустыми руками и в одной будет заговор загулявшего лакея, а в другой перстень — шансы нам с тобой уцелеть немного выше. Понимаешь?

Я понимал. И не спорил. Хотя боялся до спазмов внутри. Хотя нет, это просто голод.

После недолгого ужина и неловких расспросов, Пловец очень кстати спросил не хотим ли мы взглянуть на Сеть. Под внимательным взглядом его молчаливого брата, я поднялся и последовал за Василикой, но шагнуть за полог, натянутый между шкафом и стеной — импровизированная каморка — не успел. Рита коснулась моей руки и попросила задержаться. Она мяла полотенце в коротких пальцах без колец и не решалась спросить то, о чем собиралась.

— Беспокойтесь о нем, верно? — подсказал я.

— Не представляете как, Игнат, — она положила скомканное полотенце на стол и теперь теребила край изрезанной клеенки. — Я никогда не переступлю порога Зеленого дома и не узнаю какво там на самом деле, но только и слышу каждый день от Сашки, что все хорошо, и его контракт совсем скоро закончится. Этим обещаниям уже два года, и я каждый раз боялась, что он не дойдет до работы ранним утром или взлетит на воздух вместе с этим чертовым домом. Террористов и религиозных радикалов полно и у нас. А теперь, когда прибыл сам Магистр, стало еще страшнее. Он стал приходить раз в неделю и не говорит, что они делают там.

— В Зеленом Доме безопасно, — выдал я из себя, зная, что она не поверит.

Рита посмотрела на меня с понимающей улыбкой.

— Его отец был на службе. Нет, не в магистрате. Он служил Колониальному управлению — вроде как врагам и соперникам, да? Но служил хорошо, даже награжден был за что-то там. Его разрезало ровно на две половины, когда радикал запустил из обычной рогатки крестик в комочке смолы через проходные. Он переходил через эфиропорт, возвращался со службы. Часть его осталась на работе навсегда, другую я кремировала и замуровала в стену, — она махнула рукой в неопределенную сторону. — Радует лишь одно. Саша никогда не подойдет и близко к эфиропортам. Его работа — настройка и наладка. Так он говорил. Уж не знаю, насколько все это правда.

— В Зеленом Доме нет эфиропортов. Магистр запрещает...

— Он там из-за брата, — сказала Рита, не слыша меня. — Говорит, что заработает достаточно чтобы вылечить, поставить его на ноги. В это я тоже слабо верю. Многие из нас уже за той гранью, из-за которой невозможна обычная жизнь. Василика, ее брат, и.., — она улыбну-

лась, собрала со стола рисунки не отрывающего от меня взгляда мальчика и дала ему новый лист. – Саше не нужно быть там. Но его талант нигде больше не требуется.

— Талант? – переспросил я.

— Да. Он и сам вам все покажет. Простите, я задержала вас.

Я ненадолго задержался у стола. Рита рассматривала собственные руки и больше ничего не говорила.

— Могу пообещать, что я защищу его от неприятностей. Насколько смогу, конечно.

Она промолчала. Коротко кивнула, или мне это только показалось.

— Это ординатор.

В импровизированной коморке было тесно. Стол из старого ящика и стул из такого же, но поменьше. Страница из журнала с высокими башнями анклага и оторванным уголком украшала стену. Лампочки тут не было – свет сочился из щели между высоким шкафом и потолком.

Ординаром пловец называл устройство, которое я уже видел у Магистра – вроде толстой книжки из металла. Кнопки с наклеенными цветными буквами внизу под пальцами и экран, по которому ползли такие же цветные строчки. От них было немного света. Я смотрел через плечо Пловца, а Василика сидела на полу и внимательно слушала, покусывая ноготь.

— Есть другие названия. У тех моделей, которые приходят с Далласского или Осаковского конгломератов более смешные названия – лэптоп или даже компьютер, но в основном их называют ординарами – главный поставщик Альпийский конгломерат. Команды на французском я знаю, но некоторые буквы пришлось переклеить. Удобнее так, — он показал на ряд клавиш под экраном.

— Такая есть у Магистра, — сказал я.

Пловец одобрительно покачал головой.

— На его модель мне работать жизнь и еще половинку. А этот я купил у одного надежного человека на Ковровом базаре, кое-что переделал сам, что-то выпросил у операторов в Зеленом доме из ненужного. В общем, оно работает.

— И зачем все это? – спросил я. Василика просто усмехнулась.

Пловец настороженно взглянул на меня и поправил горловину свитера.

— Василика сказала, что ты ищешь кое-кого. Сестру вроде бы, так?

— Но не в этой же твоей штуке.

— Так может сказать только человек темный, не затронутый красотой технологий, — он улыбнулся Василике, и она, словно почувствовав это, улыбнулась в ответ. – Я удивляюсь вам. На дворе двухтысячный год, а вы словно выбрались из пещер.

— Может ближе к сути? – сказал я.

— Да. Можно сказать тысячу слов, но пока не увидишь все на деле, понять это сложно, — он подключил к ординатору странное устройство с антенной, похожее на самодельное радио. Возможно, так оно и было. – Говорят, что есть способы связать сотни тысяч таких штук по всей Земле, у меня же есть доступ только к вспомогательному серверу Зеленого дома, который дает доступ еще к сотне портов. Не густо, но что-то.

Я смотрел на экран. Зеленые и белые строки текста сменялись красными рамками. Иногда символы выстраивались в забавные картинки. Я даже смог разглядеть крысу, хвост которой украшали ряд букв О в виде нанизанных колечек. Появилась еще одна колонка, и в ней вполне отчетливо можно было прочесть приветствие.

— Что-то вроде почты, — сказал Пловец. – Но вам это неинтересно да? Скажите имя сестры и последнее, что знаете о ней.

— Ким Сафина. Камиль показал приказ о переводе. Она где-то в анклав Кирби на секретной работе, связанной с наладкой эфиропортов.

— Уже что-то.

Тонкие пальцы Пловца застучали по клавишам. Зеленый текст заполнил весь экран, а затем сразу под ним появилось окошко с мерцающей точкой.

— Нужно подождать. Минут пять, может семь. Могло быть быстрее, будь эта штука подороже, а мы в анклав.

— Чем ты занимаешься? – спросил я. – Не сейчас, а вообще.

Пловец пожал плечами.

— Официально? Передаю большие объемы данных на засекреченные сервера. Сервера – это такие..., — он попытался объяснить, но в итоге махнул рукой. – Неофициально – копаюсь в чужих данных, перехватывая их. Например, в базах Управления. Отец бы мной гордился, — он засмеялся. – Но у них тоже есть умные ребята, которые не всегда дают это сделать. Иногда мы общаемся с ними в закрытом канале. Не по работе, конечно. Сеть – это целый мир с такими вот обитателями как я.

— Чудиками, — подсказала Василика.

— Верно. Чудиками. Хотя, Чудик – это позывной одного из операторов Управления. А я Пловец.

Мы помолчали. Точка продолжала мигать.

— И в этом мире есть свои легенды и ужасы, как и в реальном.

— О боже, — Василика закатила глаза. – Сейчас он расскажет тебе про запертые в Сети души и Стеклянную девочку.

Пловец поднял вверх указательный палец и с плохо скрываемым раздражением выдохнул.

— Ваше счастье, что вы не пользуетесь Сетью. И даже тогда я не пожелал бы вам встретиться в ней со Стеклянной девочкой. Впрочем, говорят, что иногда она выбирается и в реальность. Кстати, все готово, — он склонился над экраном и близоруко прищурил глаза. – Ким Сафина. Есть копия того приказа о переводе, все верно. Подписано начальником охраны. Есть билет до анклава Кирби на ее имя. Да, и еще кое-что... Есть адрес. По нему она проживала в анклав сразу после прибытия. Похоже, что гостевая квартира Магистрата.

— Постой! – я бросился к ординатору. Среди тусклых цветных строк увидел знакомое имя. Все верно: вот приказ, вот билет. Адрес тоже был. Невероятно! Я слегка коснулся пальцами прохладного экрана. Будто вернул ее. Пловец смотрел на меня, пожевывая губу.

— Послушай, Игнат. Я могу иногда заходить и искать новую информацию.

— Тут есть ее телефон?

— Нет. Извини. Скорее всего, действительно засекреченный отдел. Но я могу оставить маячок.

— Что это значит? Объясни.

— Маячок – это вроде адреса и одновременно вызова, — говорил Пловец. – Такой клич в лесу. Если однажды она зайдет в Сеть и зарегистрирует нод, то сразу увидит, что ты искал ее. И сможет написать.

Я неуверенно кивнул.

— Этот нод... Ты сможешь сделать мне тоже?

— Да, разумеется.

Вот черт! Похоже, что Камиль не врал. И Магистр был честен. Врала только она, Ким. Наша мечта уехать из Пригорода в анклав стала ее новой жизнью, без меня. И похоже, что она вполне довольна своей жизнью. Говорят, что общественные телефоны в анклав на каждом шагу. Ведь можно позвонить, пусть не мне, но в любое место, где я бываю и мне скажут, что

Ким искала меня. Стоп! Она же знает, где я сейчас. Не она ли раздобыла где-то то рекомендательное письмо. Значит связаться со мной совсем не сложно, если есть такое желание.

В повисшей неловкой тишине мерцал свет экрана. За окном доносились пьяные крики и топот ног, за стеной звон железной посуды.

— Нет никаких признаков в Сети, — уверенно сказала Василика, нарушая молчание. — Есть только чудики.

Она засмеялась.

— Тогда взгляни на это! — он вытащил из сумки, забитой между импровизированным столом и стенкой пачку фотографий с мятыми углами и вдруг тихо ругнулся, стукнув себя ладонью по лбу. — Прости. Игнат, посмотри и заверь, что я не вру. Видишь? Вот здесь в углу.

Кто-то фотографировал прямо с такого же экрана и, возможно, черно-белые пятна имели для Пловца значение, я же видел только рябь и строчки. А он тыкал пальцем в уголок снимка и повторял страшным шепотом:

— Видишь запрос? Кто-то хочет пообщаться и присылает что-то вроде приветов. Вот только ноды такой нет. Она плавающая и каждый раз меняется, а запрос остается прежним. И иногда он подписан.

Но я уже перевернул снимок и смотрел на то, что казалось странным цветком, погруженным в глубокую темноту и подсвеченным изнутри мягким пламенем. Так я представлял когда-то те странные глубоководные растения, о которых рассказывал отец, мерцающие внутренним светом на дне океанов в кромешной темноте. Это был анклав, даже не стоило спрашивать. Далекий призрачный город-организм, башни которого теряются в высоте небес над облаками. Необъятный и непостижимый. Я быстро перевернул его, не готовый всматриваться вглубь мечты, ставшей тенью предательства.

— А это что?

Третий снимок был цветным, хоть и бледным. На нем были горы, затянутые туманом леса под ними и мелькающая в его разрывах желтая река. Невероятно огромное солнце поднималось над острым хребтом.

Пловец взглянул и забрал у меня снимок.

— Марена, конечно. Что же еще.

Что такое силы Магистрата, частичку которых носит каждый член этого ордена? Это чистая магия, темная и потусторонняя, поставленная на службу экономике. Мы навесили на нее наукообразных терминов и облепили бюрократией и никелем, но от этого она не перестала быть магией. Антон Боши не был ученым, он был алхимик, если это слово употребимо в начале XXI века. Неизвестны мотивы, заставившие его обратиться к темным псевдонаукам, но в них он более чем преуспел, хотя, я подозреваю, что открытие всей его жизни было не более чем случайностью. Однако, это он придумал гальванический куб — конструкцию из тонких никелевых трубок, по которым струилось вещество, состав которого известен лишь высшим руководителям Магистрата. Под воздействием сильного электрического заряда, трубки на внутренней стороне покрывались тонким слоем позолоты. Вероятно, это и была бы конечная цель изысканий Боши, если бы однажды он не решил провести эксперимент с трансмутацией и не добавил в жидкость — мы называем ее лимфа — небольшое количество ртути. Вопреки его ожиданиям, из куба не посыпались золотые шарики, зато образовался сгусток тумана, подвешенного внутри куба. Любопытство заставило Боши продолжать эксперимент и со временем он обнаружил, что увеличение напряжения тока заставляет туман становиться более прозрачным. А потом он увидел Марену. Точнее, то место, где стоит сейчас его стометровая статуя в безжизненной пустыне в центре высохшего озера.

Как это часто бывает с наукой, догматы ее оказались не такими уж прочными, а под влиянием толстых кошельков и бумаг с невероятно далекого верха, алхимия Боши была подтверждена как процесс закономерный и вполне научно обоснованный. Поток полились докторские диссертации, пестрящие «аксиомами Боши», «принципами Боши», «постоянными Боши», но все это не превратило эфирные перемещения в материальную науку, они все еще оставались магией, и любое проявление религиозного культа вблизи эфирного оборудования, намертво вырубало все цепи и канал мгновенно сворачивался. Поначалу, это считали случайностью, но уже к концу первого эксперимента с гальваническим кубом было выявлено, что натальный крест, равно как могоендовид или полумесяц, создают сильные помехи в эфирном поле уже за сотню метров от оборудования, а вблизи выводит гальванический куб из строя навсегда. Сложно описать, как вскипело общество, проведая об этом маленьком свойстве гениального открытия, и в первую очередь многочисленные секты. Лишь официальные церкви хранили долгое и многозначительное молчание.

Частичка этой силы есть у каждого магистра. И не только... Я извлек из кармана тяжелый, отвратительно холодный перстень, свернувшийся блестящей серой личинкой на моей ладони.

7.

Утро в Пригороде всегда серое словно пепел. Иногда это мелкий серый пепел, будто из очищенных печей, а иногда тяжелый и мокрый – химическое соединение безысходности и обыденности с каплями дождя. Это утро было именно таким. Гул заводских сирен докатывался тяжелыми глухими волнами, его разрезал шум ливня и далекие раскаты грома.

— Пойдем мышинными тропами, — сказал Пловец, натягивая дождевик поверх толстого свитера.

— Чем? – не поняла Василика.

Я объяснил. От Инженерного района к центру вел лабиринт очень узких извилистых улиц, петлявших между мастерскими, магазинами и борделями, превращавшимися днем в вполне приличные игорные клубы. Каждый владелец считал своим долгом нацепить цветной полог над входом, упирающийся в стену противоположного здания. Некогда обычная хитрость завлечь в свои двери клиента с лишними монетами превратилась в традицию и вид искусства, превратив улочки в крытые пологами от дождя и града пестрые ручейки, растекающиеся до самых проспектов центра. Их называли мышинными тропами, с легкой руки человека, видевшего настоящий снег и норки грызунов в нем. В грязной серой массе, покрывавшей Пригород зимой, не жили даже тараканы.

Пловец похлопал меня по плечу, подталкивая к двери. Сунул в карман сложенный вчетверо лист.

— Братишка просит подарить тебе рисунок. Он, может, не говорит, но рисует неплохо. Верно? – он улыбнулся и подмигнул внимательным глазам, выглядывающим из-за крышки стола.

— Что с ним? – спросил я.

Пловец пожал плечами.

— Пригород с ним.

На улицах Мышиных троп легко заблудиться. Иногда они ныряли внутрь зданий там, где не было полов, и уже внутри разветвлялись коридорами, светящимися от неоновых вывесок и черно-белых экранов, бесшумно показывающих новости тут и там. Затем они снова выныривали наружу, но иногда уже на совсем другие проулки и перекрестки. К коридорам внутри зданий изредка были прикручены указатели и таблички. Утром тут кишело людьми так же, как и в другое время. Получестная и полузаконная торговля гнездилась здесь, а обитателям Пригорода всегда что-нибудь было нужно.

Василика едва успевала за мной, хотя я держал ее за руку, а сам я пытался не потерять в толпе спину Пловца в синем дождевике. Пообещав провести нас к рингу Сухаря тропами, он совершенно позабыл о том, что, не прожив тут лет десять, не потеряться крайне тяжело. Сам я забредал сюда лишь однажды с Ким, когда ей потребовалось починить старое радио – наш единственный источник новостей, а соваться сюда одной с хоть и небольшими, но совсем не лишними деньгами в кармане, она опасалась. С тех пор прошло года три, и Мышиные тропы совсем не изменились. То, что они ведут каким-то образом к подпольному рингу, я не знал.

Пловец ускользнул от нас на большом перекрестке, с одного конца которого начинался Ковровый базар, на котором уже давно не продавали ковров. Он обнял Василику на прощание, а меня похлопал по плечу и указал длинным пальцем на узкую дверку между парикмахерской и табачной лавкой с табличкой «Закррито». Ясное дело – вход для просвещенных. За дверкой обнаружилась узкая лестница, вроде бы как в подвал. Но ни сыростью, ни крысами тут и не пахло. Только железом, потом и кровью.

Камиля мы увидели почти сразу, как только добрались до ринга. Нас пропустили подозрительно легко. Видимо, уйти отсюда – задача потруднее.

Камиль на мгновение задержал взгляд на нас и погрузил лицо в влажное полотенце. Он был раздет по пояс. На латунной пряжке ремня играл свет. Цветные татуировки, покрывающие грудь и руки, мерцали в свете ламп. Он пожал костлявую руку судьи, вытер кровь с подбородка. Нагнувшись, поднял с мокрого от пота песка противника и, держа за виски, что-то сказал ему, тот мотнул головой. С его носа и рассеченной брови срывались и ударялись о песок тяжелые красные капли.

— Это Камиль, — Василика указала на ринг.

— Откуда ты знаешь?

— Его наколки, — она провела ладонью по своей груди. — Я вижу их. Не знаю, почему, но вижу.

Камиль легко перемахнул через проволоку и приземлился возле нас. Он коротко кивнул Василике, улыбаясь. Я заметил, что на его ногах — форменные брюки, местами затертые и покрытые бурыми пятнами.

— Пришли навесить? Признаюсь, не ждал, — протянув руку, Камиль слегка тронул кончик носа Василики. — Красивая, этот хлыщ не обижал тебя? Только скажи, я могу легко научить его обращаться с девушками.

Я рывком убрал плечо, на которое он вознамерился положить свою пятерню.

— Ловко, — Камиль потер лоб тыльной стороной руки. — А кулаками двигать можешь или только ногами, когда страшно?

Василика толкнула меня в бок, прежде чем я ответил и попыталась встать между нами.

— Игнат, он тебя провоцирует.

— Верно, золотце, — Камиль улыбнулся, почти добродушно. — Как насчет небольшого представления? Немного поплясать на песке, порадовать публику.

Публики было немного. В основном те, что еще не ложились после загульной ночи. Их мутные глаза с интересом поглядывали на нас. Уже никакого бомонда, как и сброда — в основном любители мелких ставок и проигравшиеся в ноль.

— Камиль, перестань, — тихо сказала Василика. — Ты же машина для убийства.

— Так и парнишка вроде не промах, — Камиль запрыгнул на край ринга и поманил меня рукой. — Давай, ищейка. Ни Сухарь, ни зритель, ни кухонная крыса с тобой разговаривать не будут, если не покажешь, на что способен, — он перелез за ограду и теперь медленно вращал плечами, разминаясь.

— Не вздумай! — предупредила Василика, но я только погладил ее по плечу и взявшись за ржавый поручень, полез наверх.

Что ж, быть вырубленным Камилем не так позорно, как отказаться от боя. В конце концов, мы на службе у одного человека, и ломать мне шею он не станет. По крайней мере, я надеялся на это.

Чертово пальто мешало двигаться, но снимать его я не стал. Только сжал кулаки, все еще опущенные в карманы. Под одобрительные крики жиденькой толпы Камиль в два прыжка оказался возле меня. Сделать ставок никто не успел. Я видел, как Камиль пригибает голову, делает ложное движение и устремляет кулак в мою голову и все за тот миг, за который я пытался понять, как избежать первого удара. Продержаться минуту-две уже подвиг. Но кулак Камиля не коснулся моей переносицы. Он упирался в ребро ладони, моей ладони. А потом легким движением я отбросил его руку в сторону. Он пошатнулся, но удержался на ногах. Засмеялся.

— Неплохо, ищейка.

И, пригнувшись, бросился на меня. Знакомый холодный комок сдавил горло. Я было решил, что Камиль, забывшись, ударил мне в кадык. Но вот они его руки. Я удерживал их, непонятно как среагировав. Одну локтем, вторую открытой ладонью. Камиль слегка подался назад и отпрыгнул, взвившись как пружина. Я вдруг понял, что могу в один шаг преодолеть расстояние между нами и движением запястья спечатать его в стену.

— Немного раннего утреннего шоу! – Камиль коротко поклонился, приложив руку к плечу и рывком забрал с ограждения рубашку. Я решил, что не лишним будет следовать за ним. Довольные бессонной ночью и маленьким финальным представлением завсегда и расходились, чтобы к вечеру снова наполнить душный зал с низким потолком. Краем глаза я заметил, что Сухарь не отрываясь смотрит на нас. Его сухая шея казалась бледной мертвой веткой, которая вот-вот сломается под весом головы.

Камиль шагал быстро по узкому коридору, на ходу застегивая рубашку. Мы едва поспевали за ним.

— Молодец, — бросил он через плечо. – Хорошо дерешься. Видно, что воспитан улицей. Я хотел возразить, но Василика больно ущипнула меня за локоть.

— Теперь о деле. Сухарь будет ждать тебя там, где ты в последний раз его видел. Потолкуй, надави, но не сильно. Такие как он, если ничего не знают сами, знакомы с людьми, которые что-то да слышали.

Я вдруг отчетливо понял его хитрый ход. Представление! В глазах зала, на которых плевать, и Сухаря я и Камиль вроде бы как ровня. И я совсем не тот, кого можно водить за нос или проломить голову в переулке.

— Почему сам не спросишь?

Камиль усмехнулся.

— У каждого из нас своя задача и своя работа. И, если уж на то пошло, с тобой хочет поговорить кое-кто.

— Когда?

— Сейчас. Красотуля, побудешь здесь недолго?

Василика оперлась на стену и скрестила руки на груди.

— Будто у меня есть выбор.

— Не волнуйся. Пока мы в городе, а не за стенами Зеленого дома, ни одна местная дрянь на тебя косо не взглянет, — добавил Камиль и заспешил вперед по коридору, в конце которого клубилась темнота. Я не мог представить, что подвалы в этом здании настолько протяженные. Не иначе как когда-то прорубленный туннель для отступления, ведущий неизвестно куда. С каждым шагом становилось все тише и темнее.

— Куда мы идем? – наконец спросил я.

— Заткнись!

Я решил, что не лишним было бы схватить его за плечо и хорошенько встряхнуть, как на ринге. Но руки почему-то были ватными, кончики пальцев онемели как от сильного холода.

Камиль открыл передо мной дверь и впустил в огромное низкое помещение без ламп. Только хмурый свет утра лился из далекого выхода, косо поднимающегося наверх. Подземный гараж, давно заброшенный. Повсюду капала вода. На мокром бетоне блестели древние, как реликтовые моря, лужи. Я хотел было уточнить, зачем мы здесь, на этот раз надеясь на нормальный ответ, но Камиль исчез. Я стоял один среди сырого подвала.

Но один я был недолго. Послышались торопливые шаги. Тени быстро приближались со стороны пятна света, сочившегося откуда-то сверху у выхода из подземного гаража. Сперва появились ноги и полы длинных плащей, затем сами силуэты. Некоторые держали в руках оружие, чему я был совсем не удивлен, но бежать не решался. Плохая идея. В конце концов, Камиль сказал, что они хотят поговорить.

Остановились они так же резко, как и появились в подвале, в шаге от меня. Всего четверо, и я мог рассмотреть лица каждого из них, кроме того, что стоял впереди, закутанный в шарф почти по самый кончик носа, а выше темнели широкие солнечные очки. На нем аккуратно, но нелепо сидела старомодная шляпа со слегка придавленной тульей. Он был без оружия, но что-то подсказывало, что именно ему оно и не нужно. Высокий охранник слева вытянул руку,

и я едва успел заметить блеск металла, как понял, что тонкое острие уткнулось мне прямо в шею, чуть ниже уха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.